

Патьяна Алюшина

Ломанные линии судьбы

Еще раз про любовь. Романы Т. Алюшиной

Татьяна Алюшина

Ломанные линии судьбы

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алюшина Т. А.

Ломаные линии судьбы / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2024 — (Еще раз про любовь. Романы Т. Алюшиной)

ISBN 978-5-04-196238-8

Иногда спасение соседского кота может привести к счастливому устройству личной жизни. Именно благодаря этому случаю Аглая Зорина, девушка с потрясающей силой духа и необычной профессией, попадает в детективную историю и встречается мужчину своей мечты. Изюминка книги в том, что кот возвращает своей спасительнице долг жизни.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196238-8

© Алюшина Т. А., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	40
-----------------------------------	----

© New Africa, Oksana_Schmidt, Viktoriya Krain, Soho A Studio / Shutterstock.com

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

А какой был сон, какой сон!.. Такой воздушный, ласковый, немного даже эротичный, в том смысле, что в теле Аглаи нежно и тихонько, лишь намёками трепетало в правильных и нужных местах от чего-то неясного, загадочного. И казалось: вот ещё чуть-чуть, и силуэт

незнакомому мужчины, который виделся ей и к которому её так притягивало то самое пресловутое сексуальное влечение, станет более чётким, и он повернётся, и наконец она увидит его лицо и, может, даже узнает, а тут...

– Вау-у-а-а-а!!! – заблажил в очередной раз котяра.

...вместо романтически-эротических снов и трепета в девичьей груди – дикие кошачьи завывания, артобстрел дверьми и закрученные винтом мужские хрипло-надсадные маты! Зараза!

– Вилли, шкура ты блохастая! – возмутилась Аглая, обращаясь к одному из участников конфликта, продолжавшему голосить дурным ором. – Чтоб тебя!

– Ва-а-мя-а-у-у!.. – словно издеваясь, отозвался предмет недобрых пожеланий девушки.

Хотя-а-а... Судя по заполошному и особо мерзкому кошачьему верещанию, сменившему тональность с победной на «Караул! Спаситя!», это самое «чтоб тебя» Вилли таки догнало-настигло – и самым трагическим образом, всерьёз «прихватив» за что-то весьма дорогое и ценное.

– Вилли! – Аглая, просыпаясь окончательно, подскочила, резко сев в кровати и только сейчас в полной мере осознав, что на самом деле происходит на площадке их этажа.

– Убью на х...! – неистовствовал, надрывая глотку, сосед. – Тварь, б... я тя, ... удушую! Через жопу наизнанку выверну!..

Откинув одеяло, Глаша пулей выскочила из кровати, ринулась к креслу, в которое с вечера перед сном бросила домашнюю одежду, и принялась торопливо-суетливо натягивать на себя шорты с майкой.

Понятное дело, что спасти Вилли от разъярённого мужика, не отличавшегося кротостью нрава, а с точки зрения Аглаи, так и вовсе конченного неадекват, скорбного на голову (к тому же, судя по диким крикам, в данный момент со всей очевидностью всерьёз психически деградировавшего), перспектива так себе. И её решение вмешаться было если не ошибкой, то шагом как минимум смелым. И, честно говоря, сильно смелым, на грани бытового идиотизма.

Вообще-то она ни разу не мать Тереза и никакая не защитница котиков и всяческой мимимишности – это вообще не её история. Да и особо тёплых чувств к Вилли Аглая не испытывала, а коты так и вовсе не любила. Ну как не любила – уважала за их разум, хитрость, выносливость и самостоятельность, но не более и при условии, что коты-кошки существуют где-то там отдельно-параллельно в своей кошачьей жизни, никоим образом не пересекаясь и не заходя в её жизнь.

Красивые, милые, пушистые и так далее – но без неё, спасибо.

К тому же если быть честной, то Валерьян сделал всё для того, чтобы сосед мечтал его притянуть самым зверским и радикальным образом, и давно откровенно нарывался. Так что воздаяние наглому котяре было всего лишь вопросом времени. Но и не спасти этого дурынду рыжего – тоже невозможно!

Не столько скотину жалко, сколько Музу Павловну, его хозяйку, которая наверняка сейчас выскочит-нарисуется на театре военных действий, кинется спасать любимого питомца и действительно может неизвестно чего огрести, попав под горячую руку и переклинившие от ярости мозги буйного соседушки.

Вернее, как раз таки хорошо известно, что может «прилететь» от этого человека, и вполне себе предсказуемо – приходилось сталкиваться, плавали – знаем. А следовательно, необходимо срочно вмешаться и постараться как-то купировать и предотвратить вероятность того, что Музу Павловну могут обидеть или чего и похуже.

Вилли продолжал голосить дурниной. Судя по сопровождавшим бой звукам, в том числе разлетевшихся на черепки у лифтов вазонов и цветочного кашпо, кот носился уже не только по всей площадке, но и по потолку. А за ним, топая так, что полы тряслись, бегал и орал

матом, видимо, потерявший от ярости всякие берега соседка с упавшей на глаза «планочкой», перекрывшей разум.

И, уже схватившись за защёлку замка, Аглая остановилась, всего на пару секунд – набраться смелости...

Выходить на площадку и ввязываться в разборки с соседом откровенно не хотелось – очень, очень не хотелось, вот совсем! Это не её войнушка и не её дела – и кот ненормальный, злопамятный зверский мститель, да и сосед этот реальный бандюган и придурок, может что угодно вытворить, но...

«Да блин, блин, блин, ёжики шипастые! Ладно!» – выдохнула она.

Ладно, чего уж теперь – идём встречать, спасти и натужно геройствовать, раз уж такой расклад сложился! Как бы там страшно-престрашно ни было, но уши не заткнёшь, громко напевая «ла-ла-ла» и ожидая, пока само собой всё закончится.

Оно, конечно, закончится, но вряд ли как-то хорошо и приятно.

И, словно подтверждая мечущиеся перепуганные мысли Аглаи, с площадки, где ситуация явно развивалась по пути стремительной эскалации, как говорят военные специалисты, раздался резкий звук громко хлопнувшей деревянной двери, ведущей на лестницу, звон разбивающегося вдребезги стекла и новая порция ора и матюков.

– Ну всё! – выдохнула решительно Аглая, отпирая замки.

И в самый последний микромомент, на каком-то инстинкте и стукнувшей откуда-то свыше в голову идее-подсказке, она схватила с тумбочки в прихожей смартфон, который всегда оставляла там на ночь. Дрожащими пальцами активировала, пролистала чаты в мессенджере, судорожно соображая, кого же набрать...

Кого, кого?.. Кто может помочь?

Уже распахивая дверь и делая шаг на площадку, Аглая тыкнула в попавший на глаза знакомый номер, нажимая на видеозвонок.

– Вя-а-а-у-уу!!! – раздался очередной заполошно-дикий, перепуганный вой.

И откуда-то слева к Аглае ринулась, как прочерк в пространстве, стремительная рыжая молния. Не успела она ничего сообразить, как огромный боевой котяра вскочил ей на грудь, вцепившись всеми четырьмя лапами, предварительно выпустив отточенные когти.

– Ё-о-опе-е-еть! – непроизвольно проорала Глашка от вспышки боли в плечах и боках, в которые впились кошачьи когти-сабли, вплетая свой голос в общую звуковую какофонию конфликта.

– Мя-а-ая-а! – блажил Вилли прямо ей в ухо.

– Б...! – орал мужик, разворачиваясь всем корпусом своего здорового тела.

С озверевшим выражением свекольно-бурого от ярости лица он уставился на девушку ошалелым взглядом глубоко посаженных глазок-буравчиков.

И в этот самый момент распахнулась соседская дверь справа, в углу площадки, выпуская на сцену хозяйку того ужаса, что устроил весь этот бедлам с переполохом, – растрёпанную, перепуганную, явно наскоро одевшуюся Музу Павловну.

Ну вот и вся труппа в сборе!

А нет, не вся. Торопливо прогрохотал отпирающийся замок соседней с Аглаиной квартиры, и на площадку вышел молодой парень, арендатор данной жилплощади.

– Чё за кипеш, френды? Кого мочат? – поинтересовался он со смешком.

– Вилли?! – обеспокоенно, но достаточно ровным и строгим тоном поинтересовалась Муза Павловна, мгновенно безошибочно найдя взглядом своего любимца, раскорячившегося, словно его распяли, на груди у Аглаи. И ринулась к девушке, протягивая руки: – Ты снова что-то натворил?

После столь «сильного» в данной ситуации вопроса площадку накрыла шоковая тишина. Немая сцена! Вся охреневают! Созерцая, что именно натворила эта сволочь.

И в этой наэлектризованной, напряжённо застывшей, почти осязаемой тишине неожиданно резко раздался голос из смартфона Аглаи, который она продолжала держать в поднятой руке. Он прозвучал как удачный режиссёрский ход в каком-нибудь боевитом кинотриллере, когда ситуация напряжена до предела, все тычут друг в друга пистолетами, зыркают враждебно, а тут...

– Глаша, что у тебя там случилось?! Что за свара?! Тебя обижают?! – рокотал смачным, весомым басом разволновавшийся за любимую племянницу дядечка родный.

– Ещё не обижают! – рявкнул, отмирая первым, буйный соседushка и направился к Аглае с явно не дружественными намерениями, пообещав на ходу: – Но сейчас будут!

– Э-э... – Девушка попыталась отступить назад, испугавшись перекошенной от ярости зверской рожи мужика, но упёрлась спиной в дверь своей квартиры.

А вот нет, нет у нас пути назад, оказывается.

А сосед буйный как-то в один момент образовался возле неё и уже тянул свою лапищу к Вилли, начавшему шипеть, прижимая уши к голове, а голову к груди спасительницы и глядя дурным взглядом на надвигающуюся карающую вражью десницу. Кот был готов в любой момент напасть в ответ и задорого отдать свою жизнь.

– Вы, гражданин, не хамите прокурору! – переполошно тонко пискнула-крикнула Глашка, у которой мгновенно пересохло со страху горло.

– Какому прокурору?! – пророкотал мужик, остановив тем не менее руку, тянущуюся к коту, и резко придвинувшись лицом к её лицу.

– Вот этому! – Аглая непроизвольно отпрянула от его наскока, пребольно стукнувшись затылком о дверь.

И эдак указуяще, поверх распластавшегося на ней и продолжавшего утробно, предупреждающе подвывать котяры, потыкала пальцем правой руки в экран смартфона, который продолжала держать в режиме прямой трансляции в левой.

– Ты что там, охренел, убогий?! – явно в момент просек ситуацию и подхватил тему любимый дядюшка, тут же наехав грохочущим командно-начальственным тоном на обидчика племяшки: – Ты на кого попер, сиделец?!

– Ты кто такой, дятел? – борзо наехал в свою очередь сосед, переведя взгляд с лица Аглаи на экран, слегка всё ж таки спустив пары ярости.

Видимо, на всякий случай. Что-то он там разглядел такое в собеседнике, насторожившее его.

– Я? – многозначительно переспросил, чуть хохотнув, Николай Валентинович, и уточнил весело, но с явно читаемым генеральским металлом в голосе: – Ты всерьёз спрашиваешь? – И тут же переключил своё внимание на Аглаю, полностью игнорируя мужика, как пустое место: – Глаш, тебе наряд прислать или сама там справишься?

– Я думаю, дядя, мы тут сами разберёмся, – сказала Аглая, наблюдая, как меняется выражение лица соседа с агрессивно-яростного, убийственного на несколько задумчивое. И добавила, судорожно сглотнув: – По-соседски... Виктор Юрьевич уже остыл и, думаю, необдуманных поступков совершать не станет. Правда, Виктор Юрьевич? – провокационно поинтересовалась она.

– Опф-ф-ф, – издал нечто непонятно-неопределённое мужик, явно не врубаясь до конца, что «вааще» происходит и почему и как вдруг он резко-неожиданно перестал управлять ситуацией и доминировать в раскладе.

И промолчал. Ну так. Опять на всякий случай.

Такие индивиды, как этот самый Виктор, прости господи его папу, Юрьевич, при всей своей нездорово завышенной самооценке и ощущении себя хозяином жизни и звездуном великим, очень чётко, практически безошибочно считывают и чувствуют людей, облечённых властью, как и определяют уровень статусности таких людей и их полномочий. Вот в момент.

На уровне врождённого инстинкта. Это в них прямо заложено, прошито в подкорке, как способ самосохранения. И «бычить», наезжать на человека, от которого может прилететь конкретная ответка, и хамить тому хоть намёком такие «господа» никогда не станут. Никогда. Остерегутся.

И что там услышал и понял про дядюшку любящего Виктор, непонятно, но что-то всё же так понял и выводы про себя какие-то сделал... И отступил.

– А то, может, всё-таки наряд отправить? – озабоченно переспросил дядюшка. – Ребята быстро подъедут.

– Не надо наряда, – отказалась вторично от предложения Аглая.

– Ну, смотри, – нехотя согласился Николай Валентинович и строго предупредил: – Тогда всё, у меня дела. Перезвоню через часик, перепроверю, как ты там.

– Хорошо, – трепетной «нежной розой» улыбнулась заботе дядюшки племянница.

И нажала отбой, наконец опуская руку с телефоном.

Отступить-то соседushка отступил, но ему срочно требовалось скинуть на кого-нибудь всю свою кипучую, не реализованную наказанием ярость, а поскольку с Аглаей «воздаяние» не вышло и не случилось по причине препятствия в виде непонятного дядюшки, то...

Он здоровой дурмашиной всего своего бычьего тела развернулся и пошёл на так и застывшую в паре шагов от Аглаи с протянутыми к любимому Вилличке руками Музу Павловну.

– Я тебя предупреждал, что по х... мне все твои защитники и кота твоего удавлю, когда поймаю? – медленно надвигаясь на старушку, тихим страшным тоном спросил мужик. – Предупреждал?

– А я, кажется, предупреждала вас, Виктор Юрьевич, – остановил его неумолимо-устрашающее движение ироничный голос Аглаи, – что вам бы следовало, прежде чем наезжать и угрожать кому-то, для начала всё-таки выяснить и уточнить, кому вы угрожаете и хамите. Может ведь и ответочка прилететь. И неслабая, – пугала Глашка с огоньком, понимая, что вот прямо сейчас физическая расправа ей не грозит.

Мужик замер на пару мгновений, потом медленно всем телом развернулся обратно к Аглае и, начиная заново наливаясь дурной звериной яростью, сузив свои глубоко посаженные глаза, зашипел, указав пальцем на Вилли:

– Эта скотина б...кая наслал на мой дверной коврик! – Он резко выдохнул через нос, только что пар не пуская ноздрями. – И я, б... на... вдряпался в его дерьмо!

«Ага, значит, всё-таки “награда” нашла своего героя», – подумалось как-то истерично-злорадно Глаше, чуть не заставив нервически хохотнуть.

– А-а, – хохотнул парень, о присутствии которого в пылу словесных баталий и напряжённости момента все забыли, – так вот кто нам тут помойку и кошачий отстойник организовал. Не, ну это конкретное попадалово, – непонятно с кем солидаризовался он.

– Ну что ж поделаешь, это животное, он не всегда справляется со своими инстинктами, – ровным, спокойным тоном произнесла Муза Павловна, опустив наконец руки, и запахнула халат.

Мужик снова резко развернулся на пятках в её сторону, гневно, по-драконьи выдохнул, помолчал, буравя пожилую женщину взглядом, полным ненависти, видимо, справляясь с душившим его гневом, и произнёс, словно выплюнул:

– Убью. Поймаю и убью эту мразь б...кую обязательно! А не угомонишь тварь свою, и тебе прилетит! – пообещал он Музе Павловне.

Развернулся и прошагал мимо Аглаи, замершей с Вилли на руках, к лифтовой площадке.

А женщины и оптимистичный парень так и остались молча, замерев, стоять, прислушиваясь, как поднимается и останавливается на их этаже лифт, как входит в него мужик, хлопая дурниной в сердцах по кнопке на панели, как закрываются автоматические дверцы... и только после этого «отмерли» одновременно.

– Вилли, – строго-укоризненно попеняла питомцу Муза Павловна, направляясь к Аглае, – ты снова задирался к этому человеку. Я же просила тебя и требовала обходить его десятой дорогой и прекратить свой террор. – Она повторно протянула руки к коту, намереваясь забрать его у девушки.

Но Вилли в любящие руки хозяйки явно не спешил, а, коротко-истерично мявкнув, прижался к Глаше ещё сильнее.

– Что это с ним? – удивилась Муза Павловна.

– Стресс, – пояснила Глаша. – У меня, кстати, тоже. Между прочим, эта св... – она остановила себя от рвавшегося к озвучанию эпитета, – Вилли вонзил в меня все свои когти, и что-то мне подсказывает, что ваш любимый котик не собирается их прибирать.

– Боже мой! – всплеснула руками от расстройства пожилая дама и тут же переключилась на деловой тон. – Так, идёте ко мне, дорогая, – осторожно взяв Аглаю под локоток и направляя к распахнутым дверям своей квартиры, распорядилась она. – Сейчас мы Вилли отцепим, стресс снимем, травмы замажем и полечим.

– Ну ни хрена у нас тут дела творятся, – высказался всё в той же бодро-весёлой манере сосед. – Не, я понимаю, чел этот, конечно, терминатор конкретный, да ещё и с шизой, но чего на него ваш котяра-то взелся?

– Идёмте, – согласилась Аглая с предложением Музы Павловны, проигнорировав веселящегося соседкушу. И, деревянно поворачиваясь ожившей статуей, дабы лишним движением не добавлять себя страданий от застрявших в коже когтей, двинулась, увлекаемая маленькой, сухонькой, но твёрдой рукой.

Стоило их «процессии» переступить порог и оказаться в прихожей соседской квартиры, как Муза Павловна каким-то стремительным, коротким движением исхитрилась так ловко прихватить Вилли за загривок, что тот, мгновенно спрятав когти, отцепился наконец от Аглаи, позволяя хозяйке перехватить его у девушки и прижать к себе.

– Э-э-м-м-м... – скривилась Глаша от болевых ощущений в растревоженных ранах-царапинах.

– Сейчас-сейчас, я вам помогу, – заторопилась соседка. – Идёмте скорей в гостиную, Аглая. У меня имеется чудодейственная, лечебная мазь, исцеляющая мелкие травмы, порезы и царапины, – объясняла Муза Павловна, бодро двигаясь впереди девушки. – Уже много лет для меня её делает по специальному рецепту одна замечательная дама-провизор.

– Давайте вашу чудо-мазь, – вздохнув, согласилась Аглая, присаживаясь на диван, куда ей указала хозяйка.

Муза Павловна осторожно уложила притихшего Вилли в кресло и вышла из комнаты.

– Ну что, Валерьян, – усмехнувшись, обратилась к котищу, смотревшему на неё все ещё ошалевшими после боя глазами, Аглая, – наделал дел, да? Осуществил свою ужасную месть так, что все под раздачу попали.

– Да уж, отметился, – поддержала укор девушки Муза Павловна, возвращаясь в гостиную с аптекарским пузырьком и ватными дисками в руках. – Уж что я только ни делала: и запирала его, купив новый большой кошачий туалет, чтобы он мог справлять свои интимные дела дома... И он его прекрасно освоил! Только сидеть безвылазно в квартире для Вилли смерти подобно, пришлось отпускать. А сколько я его уговаривала оставить этого человека в покое, но...

Она тягостно вздохнула и села рядом с Аглаей, окинула девушку изучающим взглядом и, вздохнув опять – теперь сочувственно, произнесла извиняющимся тоном:

– Глашенька, вам надо снять футболку, чтобы я могла обработать ваши раны. – Муза Павловна вздохнула ещё разок. – Боюсь, что эта ваша вещь окончательно испорчена. – И решительно заявила: – Я компенсирую вам убытки.

Аглая опустила голову, рассматривая те самые упомянутые убытки, удостоверившись, что они таки имеются: мало того, что рукава футболки обзавелись дырками в тех местах, где её проткнули кошачьи когти, так вокруг этих дырочек ещё набухла кровавая окантовка.

– Да бог с ней, с футболкой, Муза Павловна, о чём вы говорите, – отмахнулась она от такой ерунды.

– Мне неловко, что из-за нас вы снова пострадали, – вздохнула покаянно соседка, щедро выдавливая на ватный диск чудо-мазь и приступая к обработке полученных Аглаей царапин-дырок от когтей.

– Ну, в прошлый раз пострадал только Валерьян, – напомнила Аглая и зашипела: – Тиши-и-и... Щиплется! – пожаловалась она.

– Потерпите немного, сейчас пройдёт, – пообещала соседка и вернулась к теме их разговора, продолжая обрабатывать царапины: – Но в тот раз вы сильно испугались, получили психологический стресс, кинувшись защищать Валериана и меня, да к тому же вынуждены были переносить важную встречу, что, без сомнения, отразилось на вашей работе.

– Не сказала бы, что какой-то прямо такой тяжёлый стресс тогда получила, и встреча моя состоялась чуть позже, – попыталась пожать плечами Аглая, но тут же резко передумала вообще двигаться, с шипением втянув воздух через зубы, отчего чуть придушенно пояснила: – Вот ещё, бояться мурло всякое...

– Аглая, – посмотрела на неё с очень серьёзным выражением лица Муза Павловна, – сколько раз я вам уже говорила и предупреждала, что этот Виктор не такой уж однозначный неандерталец, как выглядит, и весьма опасен. Он не просто хамоватый, резко агрессивный и грубый человек, а явно мстительный и злобный, который никогда и никому не прощает своего унижения. Он понимает и признаёт только силу и считается только с людьми, способными дать ему реальный отпор и стоящими выше его по социальному статусу. Не стоит его недооценивать и провоцировать. – И, наклонившись поближе к девушке, заглянула ей в глаза. – Меня-то есть кому защитить и есть кому заступиться за нас с Валерьяном и серьёзно окоротить и приструнить эту неприятную личность. И вы знаете, что мои родные уже предприняли некоторые шаги в этом направлении. А за вас?

– Ну-у-у... – задумчиво протянула Аглая.

– Этот ваш дядя действительно прокурор? – осторожно уточнила Муза Павловна.

– В числе прочего и прокурор, – рассмеялась легко Аглая и пояснила: – Дядя Коля актёр. Причём очень хороший, талантливый, заслуженный артист, между прочим. Служит в Новосибирском драматическом театре. Прокуроров он играл, и не раз, в том числе и в кино. Но главное, он очень умный и мгновенно сечёт ситуацию, вон как подыграл племяннице, с ходу, как говорится, вошёл в кадр, – хохотнула она.

– Всё это замечательно, конечно. И радуется, что у вас с дядей такие тёплые родственные отношения, – вздохнула тяжело Муза Павловна. – Но опасно. С такими типажам, как наш сосед, лучше не играть ни в какие игры, а в идеале вообще не связываться и обходить дальней дорогой.

– Вы его боитесь, Муза Павловна? – в момент перестала веселиться Аглая.

– Боюсь, – повторила тяжкий вздох соседка, – но не за себя, за вас и Валерьяна. Такие типы весьма непредсказуемы в своей злобе, поощрённой, как я понимаю, годами безнаказанности. – Она задумалась и добавила: – Или предсказуемы, что ещё хуже.

– Ну, дядя у меня, может, и актёр, зато папа моей близкой подруги точно прокурор, да и мой батюшка, как он сам изволит выражаться, не трамвайный кондуктор, – постаралась взбодрить старушку шутивым тоном Аглая.

Но вообще-то Муза Павловна в чём-то определённо права: Виктор этот Юрьевич на самом деле персонаж весьма неприятный и опасный, что есть, то есть. Такой достаточно ярко выраженный реликт – типаж «братка» образца лихих девяностых, из числа тех самых «паца-

нов», которому на пути к успеху, по всей видимости, удалось кое-что урвать, отщипнуть от того самого призрачного успеха и при этом чудесным образом остаться в живых, и весьма благополучно.

Без «спецодежды» в виде малинового пиджака или спортивных известной фирмы, а во вполне себе дорогом-богатом прикиде крутых марок. Но натуру, она же привычка, никуда ж не денешь, тряпочками не прикроешь и в тюрбик жизни назад не засунешь. Поэтому на бычьей шее и в развале распахнутого ворота на груди Виктора Юрьевича красовался «обвес» из толстенной золотой цепуры. Слава те господи без креста, но с какой-то внушительной подвеской в золоте-бриллиантах. Имелась в дополнение к цепи и золотая массивная «гайка» на среднем пальце правой руки, и ещё одна, поменьше, на левой руке. Ну и – как же без него – натуральный «Ролекс» на запястье, в той степени натуральности, которая возможна по нынешним временам, – то есть скажем так: средней.

Внешность у гражданина была ой недоброй. Морда «во», Ламбродо в восторге рыдает от столь явной типичности этого образчика... Такая морда: кирпичная, с глубоко посаженными тёмными глазами-буравчиками, утопленными под тяжёлым, низким лбом и широкими бровями. Зато вполне себе харизматичная, транслирующая определённый образ мышления воинствующего доминанта, суперальфы, то бишь демонстративную самоуверенность и превосходство, презрение к людям, стоящим «не вровень» ему по жизненным достижениям. А повадки бандюгана, присущие криминальным личностям, он даже не пытался скрывать, а, наоборот, показательно демонстрировал: подмять, «забычить», заставить себя бояться и уважать беспрерывно.

Угроздило же обзавестись эдаким соседшкой...

Сюда, в квартиру брата, Аглая переехала около года назад. Дом относился к тому типу строений, которые называют «точечной элитной застройкой». Сдан в эксплуатацию он был двенадцать лет назад, так что сейчас к столь высокому классу его уже вряд ли бы причислили по той причине, что за эти годы и класс тот самый элитный сильно поменялся, и дом несколько устарел, хотя и сделан был весьма добротно, на совесть.

Дома столь высокого качества, в которых продуман и выверен каждый сантиметр, каждый крепеж и деталь интерьера, каждая магистраль коммуникаций и всякая важная мелочь, теперь редко строят. К слову сказать, его и возводили-то целых два с половиной года, а не как нынешние «скоропелки» – за несколько месяцев. Поэтому-то Лёшке с отцом, вложившимся в стройку ещё на стадии проектирования дома, и удалось приобрести здесь квартиру ну по очень, очень выгодной цене.

Впрочем, не суть, не об уровне постройки речь, хотя и о нём в числе прочего – уже потому, что жить в таких домах приятно, удобно-комфортно.

Дом, по московским меркам, был совсем небольшим – всего двенадцать этажей на два подъезда. Центральный вход подъезда вёл в просторный вестибюль с мраморной отделкой пола и стен и не с будочкой какой невнятной, притулившейся где-нибудь в уголке, а с просторной комнатой для консьержа, расположенной сразу у второй, отделявшей тамбур, двери, справа от входа. Слева же, в конце холла, – два лифта: пассажирский и грузовой. А вот у лестницы имелся свой отдельный вход с улицы, рядом с центральным. И лестница была широкая, удобная, на межэтажных пролетах цветы в кашпо на подоконниках и в углах на специальных подставках. Красиво. И приятно.

На каждом этаже, на просторной-большой площадке, находилось по шесть квартир. За её пределами располагалась отдельная лифтовая площадка, тоже, кстати, украшенная декоративными живыми растениями и копиями картин известных художников. Сбоку от лифтовой площадки, рядом с первой квартирой по левой стороне, была лёгкая дверь со стеклянными вставками, выходившая на лестницу.

Вот там-то, при выходе на лестницу, Аглае и пришлось первый раз всерьёз столкнуться с Виктором Юрьевичем, и там же началась вся эта неприятная история с Валерьяном.

Понятно, что Аглая не знала никого из соседей. Нет, с кем-то мимоходом пересекалась, когда приходила к брату, да кто ж упомнит, когда и с кем мельком встречается, навещая друзей и родных в их многоквартирных домах, особенно если ты там не постоянный и частый гость. А Глаша у брата как раз таки была гостем редким, поскольку по большей части Лёшка со своим семейством – женой Василисой и сыном Артёмом – чаще всего встречались с родными и близкими на всех праздниках, важных датах, да и просто в выходные у родителей в их родовом гнезде, где жила до недавнего времени и Аглая.

И тем не менее про кота Валерьяна Аглая была наслышана от Лёшки и Василисы ещё до того, как перебралась сюда жить. И даже пару раз видела этого знаменитого кота с весьма заносчивым характером.

Котьяра был здоровый, как... как не кот вообще, а не пойми кто: тигр не тигр, но рысь какая-то точно. Килограммов двенадцать, не меньше, а то и больше, и вида редкого, необыкновенного – уникальный персиковый окрас, огромная голова, острые, всегда стоящие по-боевому уши-локаторы со смешной опушкой на кончиках и удивительно осмысленный, практически человеческий взгляд чуждых янтарных глаз.

Ну и поведение, манеры у животного были ему под стать необычными. Там столько величавого достоинства, столько неторопливой красоты каждого движения уверенного в себе хищника – и транслируемое миру завышенное самомнение.

Лорд. Ну просто лорд. Кстати, жильцы дома за эту самую манерность поведения, яркую внешность и стать так его и прозвали. В результате чего у кота образовалось ещё одно, третье, отдельное имя – Лорд Валериан.

Его хозяйка Муза Павловна практически каждый день в определённое время спускалась вместе с Валерьяном, он же уменьшительно, по-домашнему, Вилли, на лифте, выводя своего питомца и друга во двор погулять.

Сама же совершала ежедневную прогулку-моцион или ходила по каким-то необходимым делам. И если Валерьян к моменту, когда хозяйка возвращалась, уже сделал все свои дела, надышался-нагулялся и где положено отметился, то встречал её во дворе, и они вместе поднимались на лифте и шли домой. Но если случалось так, что Валерьян не дожидался хозяйки, где-то загуляв подольше и подальше, то он просто садился возле двери, ведущей на лестницу, и ждал. Кто-нибудь входил или выходил из подъезда и, заметив кошачьего лорда, запускал его, непременно улыбаясь, здороваясь и придерживая для того дверь.

Муза Павловна же дверь своей квартиры всегда держала незапертой и чуть приоткрытой, чтобы Валерьян мог в любое время войти, открыв её лапой, или уйти, если желал снова погулять.

А если учесть, что придомовая территория и небольшой скверик возле неё были ограждены забором и простреливались камерами видеонаблюдения, то понятно, что и дверь в квартиру держать открытой было вполне безопасно, и коту ничто и никто не угрожал. Он вполне спокойно мог свободно разгуливать, тем более вел себя Лорд Валериан исключительно благородно и достойно и чужих облезлых кошек во двор не приводил.

Вот такая мирная картина, практически городская пастораль.

До одного недоброго дня.

На их девятом этаже две из шести квартир хозяева сдавали в аренду, и жильцы в них довольно часто менялись: хоть и удобное расположение, и район классный, центр и метро рядом, да только стоило это удовольствие не по-детски круто, вот и происходила постоянная ротация квартиросъёмщиков. Ещё две квартиры стояли опломбированными и закрытыми много лет. А из оставшихся двух в одной, вместо уехавшего с семьей брата, проживала теперь

Аглая, а во второй хозяйка Лорда Валериана (он же Валерьян, он же Вилли) – очень интересная пожилая дама с необычным именем Муза Павловна.

Алексей и Василиса с Музой Павловной по-соседски дружили, не так чтобы прямо близко, но достаточно тепло и сердечно относились к ней и уважали, поэтому, когда Глаша собралась переезжать в их квартиру, первым делом Лёшка представил сестру соседке, наказав Аглае беречь и сохранять эти отношения и поддерживать Музу Павловну.

Да Аглая и сама бы, без всяких братских наставлений, и берегла, и поддерживала, поскольку у них с Музой Павловной с первой же встречи сложились очень тёплые отношения и полный коннект. Глашку заинтересовала необычайно эта пожилая дама и как мощная, интересная личность, и как женщина – очень неординарный человек.

Где-то с полгода назад одну из опечатанных и долгое время пустовавших квартир консервировали, и в неё вселился хозяин. Известно это стало из самого что ни на есть достоверного источника – от консьержки Веры Львовны, дамы во всех смыслах хорошо информированной посредством своего неуёмного любопытства и умения задавать вопросы как жильцам, так и представителям жилищной конторы. Глаша как-то раз чуть не столкнулась в холле со здоровым, бугаистым мужиком, явно куда-то спешившим. Задев её плечом в дверях, ведущих в тамбур, он что-то недобро буркнул, сверкнув неласково из-под низкого лба тёмными круглыми глазами.

– Это кто? – удивлённо спросила Аглая у Веры Львовны, наблюдавшей столкновение жильцов в дверях.

– Так с вашего этажа жилец, – с готовностью объяснила консьержка и тут же выложила Аглае имеющееся у неё на данного жильца «досье»: имя-фамилию, возраст, когда вселился и с кем уже успел вступить в конфликтные отношения.

Например, с ней самой, со слесарем из управления, с молодой мамой Марией с третьего этажа, помешавшей ему в лифте коляской с младенцем. «Однако! Всего несколько месяцев в доме – и такая насыщенная общежитская жизнь у человека происходит», – подивилась Аглая.

Где до сих пор столько лет носило того жильца и почему он не жил на принадлежащей ему жилплощади, кто бы знал, да и век бы не знать и дальше, и вовсе не видеть того соседушку. Бог бы с ним, как говорится: живёт себе человек и живёт, лишь бы нас не трогал и не вредил людям, да не обошлось вот...

Однажды у них в подъезде проводили профилактику лифтов, причём, как водится, сразу обоих, а не по одному, чтобы не устраивать жильцам принудительную физкультуру. Но нет, мы лёгких путей не ищем – проверка-починка так проверка-починка, и отключили оба лифта, а изнеженные жители, слабо матерясь и умеренно негодуя, вынуждены были целый день спускаться вниз и подниматься наверх, добираясь до своих этажей ножками да по лесенке.

Аглая вышла из квартиры, заперла дверь на ключ и только успела сделать пару шагов к двери, ведущей на лестницу, как вынуждена была остановиться и даже шагнуть назад, пропуская того самого нового-старого соседа по имени Виктор Юрьевич, с которым уже довелось один раз столкнуться в дверях не самым приятным для неё образом. И тем не менее, как вполне себе неплохо воспитанная родителями и бабушкой девушка, Аглая приветливо кивнула и поздоровалась, пропуская мужчину, разглядев его на этот раз повнимательней и более подробно.

На её вкус и восприятие совершенно одиозный пассажир: сбитый, высокий, крепкий мужик с мощными плечами, выпирающим пузцом-барабаном и руками-кувалдами, звероватого какого-то вида. Отдуваясь и тяжело дыша из-за вынужденного подъёма по лестнице на их девятый этаж, он прошёл через распахнутую створку двери, напрочь проигнорировав добрососедские кивки и приветствия Аглаи, впрочем, как и её саму. И в тот момент, когда недружелюбный брутал шагнул с лестничной площадки на этаж, вместе с ним, чуть мазнув боком и хвостом по штанине его брюк, неторопливо вышел на площадку и Валерьян.

Что взбесило мужика, отчего тот вызверился – непонятно, да и пытаться понять происходящее в ущербном сознании данного индивида... ну его, понимаешь, на фиг. Но какой-то триггер мужик словил определённо. Может, у него идиосинкразия на котов, может, он вообще животных не любит по определению или просто придурок, умом ущербный, что скорее всего, только его словно заклинило вдруг, переключило что-то в мозгу. Щекастую кирпичную рожу как-то сразу, в один миг, залило дурной свекольной краснотой, и мужик прорычал по-медвежьи:

– Ты куда прёшь, скотина блохастая?!

И стремительно, с короткого, но резкого и сильного размаха ногой, он пнул носком тяжёлого ботинка Валерьяна в бок. Настолько быстро и с такой дикой, безумной какой-то, звериной силой, что не ожидавшего агрессии, не успевшего среагировать и что-либо понять кота подбросило вверх и откинуло метра на три, пролетев которые тот рухнул на пол, придушенно мявкнув. Попытался сразу же подняться, но завалился на бок, почти по-человечески застонав от боли, и повторил попытку встать.

Аглая совершенно оторопела, натурально офигев от произошедшего.

– Вы что творите?! – вытаращив глаза от изумления, прокричала она мужику и кинулась к Валерьяну, копошащемуся на полу. Кот снова и снова пытался подняться и снова бессильно падал на пол, тихо, обиженно помявывая от боли.

Аглая встала на колени, не зная, как помочь животному, как поддержать, боялась дотронуться, чтобы не сделать ещё хуже.

– Ты что-то вякнула, коза?! – взревел мужик, подскакивая к девушке с явно не мирно-дружескими намерениями, ухватил пребольно за локоть и дёрнул Глашу на себя с такой силой, что она вынуждена была подняться, чтобы не завалиться позорно-униженно на бок.

При её немаленьком росте метр семьдесят восемь, да на каблуках, встав и выпрямившись, Аглая оказалась с буйствующим соседом приблизительно на одном уровне, ну, может, совсем немного ниже. Посмотрев прямо в наливавшиеся яростью глаза, изучавшие её, как ту самую неведому зверушку, видимо, размышляя, как бы половчее её прибить, она – со страху, наверное, – поинтересовалась:

– Дядь, ты охренел?!

– Шо?! Шо ты сказала, сучка?! Тебе что, здоровье мешает, убогая? – Мужик накалялся на глазах, с резким переходом стрелки «дуromетра» в красную зону, – Ты на кого рот открыла, б... дешёвая?!

– Да сам ты... – Аглая крунулась, с силой вырывая свой локоть из его захвата, и, зверея от самой ситуации и тупости этого придурка, прокричала в ответ: – ... дешёвый! Мужик, ты ничего не попутал?! Оглянись вокруг! – Она обвела рукой площадку этажа, уставившись ему в глаза. – Считаешь, что в таком домике в центре Москвы могут жить сырые, убогие и безответные? Серьёзно? Ты хоть знаешь, кто ходит в родне у хозяйки кота, которого ты, по всей видимости, угробил, идиот?

– Что?! Кто?! – в ярости проорал мужик, делая полшага вперёд и нависая угрожающе над девушкой, пытаясь запугать, заткнуть, раздавить наездом.

Вообще-то Аглая и без дополнительной демонстрации его силы и гнева была уже изрядно напугана, и внутри со страху что-то мерзко, мелко-меленько так, предательски дрожало. Но в то же время нечто необъяснимое в ней, в её характере, в личности не позволяло поддаться этому страху, спастись перед этим муд... человеком, позволить ему увидеть её слабость – нет уж! Нет, не станет она... отвлекаться на свои испуги и дрожащие колени, когда у них тут столь горячая «дискуссия» завязалась.

– Так ты б предварительно поинтересовался, прежде чем ногу на животное поднимать! – проорала в ответ Аглая, отступая на шаг, всё-таки не совладав до конца со страхом, интуи-

тивно постаравшись увеличить расстояние между ними, дистанцироваться от этого абьюзера неадекватного.

– Ты!.. – аж задохнулся он от возмущения. – Ты что, больная? Или бессмертной себя считаешь, сучка?

Сделав шаг вперёд, мужик сократил выгаданную Аглаей дистанцию, резко сунувшись к ней, и замахнулся распахнутой ладонью как для удара, быкуя и запугивая.

– Нет, – бесстрашно усмехнулась она, вдруг, в один момент, прекратив внутренне дрожать и пугаться.

Была у Аглаи необъяснимая душевная способность: в тяжёлых, экстремальных ситуациях случалась с ней странная метаморфоза – словно вспышкой необъяснимого просветления её озаряло понимание, что она пугается происходящего настолько, что страх начинает доминировать над сознанием, подавляя личность, натуру и характер, и способен заполнить всю её человеческую сущность, лишая воли и разума. И в этот момент, у некоей необъяснимой черты, предела, за которым страх готов поглотить сознание и руководить поступками, на Глашу внезапно снисходило поразительное спокойствие, позволявшее видеть, понимать и оценивать картину происшествия совершенно чётко и ясно, мгновенно просчитывать в уме возможное развитие дальнейшей ситуации, принимать решения и действовать.

Папенька Сергей Валентинович утверждал, что данная особенность характера и устройства личности – родовая фишка. Черта характера, доставшаяся им от дальних предков, поголовно бывших отменными воинами. И он передал её всем своим трём детям.

Ну, может, может, папёнке оно видней, не суть. Но честно скажем: весьма и весьма полезная опция, жизнеспасаящая в самом что ни на есть прямом смысле, за что тем самым предкам большое спасибо от потомков. Но не суть. Хотя... наверное, как раз таки в этом-то и заключается вся суть жизни и личности Аглаи Зориной.

– Не больная и не бессмертная. Просто родню разную имею, о-о-очень непростую, тебе понравится, – пояснила она и предложила, ну так, чисто «по-дружески»: – Познакомить? – И, с удовлетворением отметив зачатки работы мыслительного процесса, отразившиеся на лице буйного соседки, покрутила наигранно-показательно головой, как бы давая диву его тупоумию: – Ну ты, дядя, и му... чудака.

– Вилли! – Прерывая «содержательную» беседу соседей, из квартиры выскочила Муза Павловна и кинулась к кое-как таки вставшему на дрожащие лапы гордому и непобеждённому Лорду Валериану.

– А-а-а! – рыкнул мужик, обнаружив новый объект для нападения. – Ты, старая, держи свою тварь подальше от меня! – потребовал он, ткнув в сторону соседки указующим перстом. И пообещал непонятно кому, то ли Музе Павловне, то ли её питомцу: – Придавлю!

Резко развернувшись, сосед ткнул своим толстым пальцем теперь в сторону Аглаи и ожёг её разъярённым взглядом:

– А ты, сучка говорливая, как я смотрю, на язык слишком дерзкая! Вякнешь что ещё раз – укорочу по гланды! Вкурила, б...?

Ну не мог он проигнорировать и не пугануть Аглаю.

Не мог, и всё! Для таких типов спустить её ответный наезд и показать, что испугался, это как перестать дышать. Невозможно, чтобы кто-то даже мысль допустил о том, что он услышал и принял её угрозы и прямые намёки на какие-то там связи и крутую родню и отступил, осторожничая.

Да сейчас!

И, высказавшись-пригрозив всем присутствующим, мужик резко развернулся, стремительно прошагал к дверям своей квартиры, прогромыхал, отпирая замки, шагнул в прихожую и так припечатал за собой дверь, что обе женщины вздрогнули от грохота, сотрясшего стены.

Да уж, силушка есть, ума бы ещё человеку. Впрочем, в этот момент Аглае и её соседке было не до этого придурка с его закидонами и тараканами в голове.

– Муза Павловна... – Аглая осторожно положила ладонь на плечо женщине, стоявшей на коленях возле своего любимца и сосредоточенной на том, чтобы помочь Вилли держаться на лапах, подхватив под брюшко. – Надо вызвать скорую ветеринарную помощь.

– Да-да, деточка, вы правы, надо вызвать, – торопливо согласилась женщина.

– У вас свой ветеринар или мне поискать в интернете, кого можно вызвать? – спросила Аглая.

– Конечно, у нас свой, постоянный доктор, – ответила Муза Павловна и попросила, протягивая девушке руку: – Помогите мне, пожалуйста, подняться. Надо довести Вилли до его лежанки. Его наверняка нельзя поднимать и трогать.

– Я помогу, – пообещала Аглая, мысленно тяжело вздыхая.

Полетела, можно сказать, в прямом смысле, коту под хвост её важная деловая встреча, на которую она спешила и ради которой даже каблуки надела. Впрочем, общеизвестно, что ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. Раз уж впряглась заступаться за котика и его хозяйку, то надо доводить ситуацию до её логического завершения.

Приехавший по срочному вызову ветеринар, осмотрев Валерьяна, сказал, что кота надо везти в клинику, проводить более глубокое обследование и делать рентген, и предупредил, что если обнаружатся внутренние повреждения, то, возможно, понадобится операция.

Ну как Аглая могла оставить Музу Павловну одну с такой бедой – никак. Конечно, она вызвала такси и поехала следом за машиной скорой ветеринарной помощи.

И сидела на мягком удобном кресле в коридоре клиники, под дверью кабинета, в который унесли Валерьяна, пока его обследовали, и держала за руку Музу Павловну, разволновавшуюся всерьёз, до сердечных болей и приёма капель, ужасно переживая за своего любимца.

– Аглая, – в какой-то момент посмотрела очень серьёзно, сосредоточенно на Глашу Муза Павловна, – я бесконечно вам благодарна за то, что вы вступились за Валерьяна и буквально спасли, не позволив этому человеку его убить. Не думайте, я не настолько изнеженна и слаба, чтобы впадать в панику, протрацию или истерику, когда случается какая-нибудь беда. Я в состоянии анализировать ситуацию и всё происходящее. Поэтому я прекрасно слышала ваши препирательства с соседом и всё, что вы ему сказали и чем пригрозили, – произнесла она и посмотрела в глаза Глаше многозначительным взглядом. – Вы были правы, напомнив этому человеку, что в нашем доме проживают люди, скажем так, определённого социального уровня и достатка, в том смысле, что мало кто из простых граждан и людей со средним заработком имеет возможность приобрести жильё в домах, подобных нашему.

– То есть люди за пределами некоего ценового ценза, отсекающего людей победнее, – усмехнулась Аглая.

– Да, я именно это имела в виду, – подтвердила Муза Павловна и внесла уточнение: – Хотя по нынешним временам, при наличии ипотеки и кредитов, многие могут приобретать недвижимость разного уровня стоимости. И это хорошо. Но я не о социальном неравенстве хотела с вами поговорить, а о сегодняшнем конфликте. Я не знаю, кто ваши родители, кем работают и какие должности они занимают, мы с вашим братом Алексеем и его супругой Василисой не находились в столь близких и доверительных отношениях, чтобы обсуждать наших родственников и знакомых. Вы припугнули этого Виктора наличием у вас и якобы у меня непростых родственников. Повторюсь, не знаю, в каком социальном статусе находятся ваши родители, но среди моих родных на самом деле имеются те, кто может повлиять и приструнить подобных субъектов. Но, когда вы его пугали, вы подумали о том, что и этот человек может занимать не самое низкое положение в обществе? Как говорится, неизвестно, чьи связи круче, – усмехнулась пожилая дама.

– Да как-то нет, не подумала, – призналась откровенно Глаша и заулыбалась. – Я вообще, если честно, не сильно-то думала в тот момент. Понимала только, что этого придурка надо остановить. Ну и растерялась от такой неожиданной, дикой, немотивированной агрессии. Я знаю, что с подобными людьми любые увещевания, апелляции к их разуму, к принятым правилам общежития, к совести абсолютно бесполезны и не работают. Единственное, что понимают такого рода личности, – это силу. И власть. Остановить их можно только с позиции силы, ну а если физически это невозможно, то следует пугать, причём с огоньком, и очень натурально-достоверно доносить до сознания, что ему реально прилетит быстрый и действенный ответ. Грубо говоря: по сусалам и властным пинком под зад со всех его вершин и достижений, так, чтобы проняло. Тогда да, такие аргументы они понимают.

– И откуда у молодой девушки знания о том, как следует обращаться с воинственными хамами и людьми криминально-бандитского толка? – удивлённо приподняв бровь, спросила Муза Павловна.

– Я два года училась в элитной школе, – иронично хмыкнув, пояснила Аглая, – а нравы там, у деток богатых-властных родителей, и законы, которые они установили, пострашней, чем в колонии строгого режима. Могли и изувечить, и не только изувечить, тех учеников, чьи родные победней и менее властны, чем их родители.

– Это ужасно, – вздохнула расстроено Муза Павловна и повторила: – Просто ужасно, что творится в нашей системе образования.

Но не стала развивать эту непростую тему, переключаясь на иное.

– Но видимо, вам всё-таки удалось чему-то научиться в той школе, раз у вас прекрасный русский язык, – сообщила Аглае Муза Павловна, совершенно огорошив девушку неожиданным замечанием. – Это очень приятно и такая редкость по нынешним временам.

– Элитная школа не имеет к моему владению языком никакого отношения. Это всё бабушка, – улыбнулась воспоминаниям Глаша. – Родители много работали, и нашим с Лёшкой воспитанием занималась в основном бабуля. Правильная речь, великая литература и культурное, многостороннее развитие личности детей у неё находились в приоритете. – И, хмыкнув, поделилась: – Как же нас с Лёшкой это культурное развитие и литература порой доставали, вы бы знали!

– Да уж знаю, поверьте, – кивнула в ответ собеседница. – Сама через то «многостороннее» протащила трёх внуков, хотя они и отчаянно сопротивлялись со всей возможной подростковой горячностью.

Вздохнув, она перешла к более актуальному и куда как менее приятному вопросу:

– Ну ладно, это, скажем так, реприза в сторону: не могла не отметить вашу правильную речь. Но вернёмся к делам менее приятным и более насущным. Я хотела бы вас предупредить, Аглая. Люди со столь грубым сознанием и духовной ущербностью, лишённые сострадания, сопереживания и простой человеческой душевности и доброты, с садистскими наклонностями, как у этого Виктора, очень мстительны по своей натуре и способны на любую подлость, вплоть до уничтожения другого человека. И вы должны это понимать, как и отдавать себе отчёт в том, что заимели в его лице врага. И этот враг может быть хитрым, изворотливым и беспощадным.

– Ну-у... не всё так страшно, я думаю, – протянула с сомнением Аглая. Она как-то в таком ключе о столкновении с соседом не думала. – Где-то пересекаться и общаться у нас с ним необходимости нет, да и поводов не имеется. Надеюсь, больше таких выпадов со стороны этого Виктора не последует. Он себя доминантом обозначил, альфой выставил, припугнул всех, зачем ему обострять и провоцировать новый конфликт? Максимум, мне кажется, что он может сделать, это попугать ещё разок при случайной встрече. Ну, тогда что... – предположила Аглая, беспечно пожав плечами, – снова дебатнём друг друга в споре, а если товарищ намёков не понимает, тогда уж придётся принимать более реальные меры профилактики.

– А я вот уверена, что вы не осознаёте всей серьёзности конфликта, – попеняла девушке Муза Павловна. – Это не просто индивидуум с дурными наклонностями, воинствующий хам и невежа, это человек с криминальным прошлым, способный на многие подлости. – Увидев сомнение, отразившееся на лице девушки, она пояснила: – Поверьте, это не предвзятость с моей стороны и не желание очернить человека просто потому, что он ударил Валерьяна. Вот скажите, Аглая, как вы думаете, если бы вас не оказалось в тот момент на площадке и если бы вы не заступились за Вилли, этот человек, стукнув его один раз, просто ушёл бы домой – и всё? – И посмотрела внимательным взглядом Глаше в лицо.

Аглая вспомнила выражение лица разъярённого соседа, ту странную смесь какой-то дикой ярости, брезгливости и... желания уничтожить, стереть напрочь то «нечто», что ему помешало, задело, завело...

– Мне кажется... – произнесла задумчиво она и вынужденно призналась: – Он мог его убить. – И тут же торопливо внесла уточнение: – Но уверенно утверждать этого не стану.

– А мне вот не кажется, – возразила ей соседка, – я это точно знаю. Я с такими нелюдями сталкивалась и отлично представляю, на что они способны. А вот вы, Аглая, знаете людей, которые могут просто так, походя, просто потому, что захотелось, убить животное, домашнего безобидного кота?

– Ну-у-у... – протянула Аглая, припоминая некоторых «детишек» из упомянутой ею школы, – думаю, да, приходилось встречать.

– Вот поэтому я и призываю вас быть осмотрительной и осторожной. Постарайтесь больше с этим человеком не вступать ни в какие дебаты, как вы выразились, и не конфликтовать. И расскажите своим родным о случившемся инциденте, обезопасьте себя со всех сторон, я вас очень прошу.

Этот разговор осел в сознании Аглаи каким-то тревожным беспокойством и ощущением некой недоговорённости, что ли, и смутной настороженности. И ещё долго, наверное, больше недели, она мысленно всё возвращалась к тому их обсуждению с Музой Павловной буйного, непредсказуемого соседа.

А в тот же день вечером Аглая позвонила брату, рассудив, что надо бы ему рассказать о том, что случилось, поделиться тревогой и предупреждением Музы Павловны.

Слава богу, отец находится «вне зоны доступа» и ещё долго будет там находиться, а то, если родитель любящий решит, что его «девочке» тридцати двух годов кто-то угрожает и хамит с наездом, может и вспылить.

А вспылывший папенька Аглаи – это, скажу я вам, серьёзно.

Потому – хорошо, что родитель доступен лишь перманентно, коротко и всегда неожиданно, лучше она с Лёшкой всё обсудит, так спокойнее будет.

Ага, как же, щаз-з-з... «лучше», за неимением папеньки, – ну да...

– Глаш, – отчитал её Лёшка, – что за дела-то?!

После того как Аглая, поболтав обо всём, обговорив дела семейные, в конце беседы поведала братцу о происшествии с Валерьяном и диким соседом, Алексей сразу же стал чрезмерно серьёзным.

– Ты зачем геройствовать полезла? Я этого мужика в глаза не видел и понятия не имею, кто такой, что за чел и на какую хрень способен. Может, он головой ущербный или криминал невменяемый. Ты зачем на рожон совалась?

– Ну а что, надо было постоять в сторонке и позволить этому имбецилу прибить Вилли? – Глашка сразу же завелась от возмущения.

– Нет, просто стоять не надо было, но и ввязываться самой тоже. Надо было сразу же набирать полицию! – разволновался и наставлял строгим тоном старший брат.

– Да ну тебя! – разозлилась Аглая. – Какая полиция, Лёш, ну что ты, ей-богу!

– Вот что, Глаша, – включил строгого брата Алексей, – звони дяде Егору или Степану Ивановичу, пусть они узнают, что за фрукт этот ваш соседка, ну и пообщаются с гражданином.

– Это зачем ещё? Не буду я никому звонить. Какой-то бытовой соседский конфликт, зачем в него втягивать занятых людей? К тому же сразу всё дойдёт до папеньки, а вот уж кого волновать и беспокоить попусту не следует, так это его. Я тебе просто рассказала о некоем происшествии, пусть не курьёзном, а неприятном, поделилась, так сказать, делами житейскими. И всё! – выговорила она брату и закончила разговор на требовательной ноте: – И прошу тебя, не надо нагнетать и поднимать отцовскую «гвардию» по тревоге. Ничего страшного не произошло, и мне ничего не угрожает. Муза Павловна сказала, что её родные с этим типом разберутся. Вот пусть они и разбираются.

Пробурчала что-то ещё и быстренько попрощалась. Но как Аглая ни хорохорилась, первое время тревога в душе всё ж таки тихонько так попискивала, не позволяя расслабиться.

Но, как водится, за обыденностью дел и иными житейскими событиями, не подпитанное ничем беспокойство и настороженность быстро забылись, потеряв свою горячую актуальность. А жизнь катилась и укладывалась своим привычным, мирным чередом, наполненная делами, работой и творчеством, окончательно похоронив под собой все тревоги.

Да и на самом деле – дребезжать, жить в вечном саспенсе в ожидании подляны из-за угла невозможно.

– Привет, Игорёш, – поздоровался с сыном отец, оторвав того от вычитывания макета договора с возможными поставщиками.

– Привет, пап, – улыбнулся Игорь, отложив документ и откидываясь на удобную высокую спинку рабочего кресла, приятно спружинившую под его спиной. И поинтересовался: – Как вы там? Как мама?

– Дела штатно, а про маму ты всё и сам знаешь, она тебе чуть не через день звонит, – усмехнулся Борис Архипович.

– Всё да не всё, – уточнил Игорь. – Мне она выдаёт только ту инфу, которую считает нужной и достаточной.

– Да нет, ни о чём она не умолчала, всё у нас на самом деле нормально, сынок, – хохотнул отец и, противореча самому себе, протянул задумчиво: – Вот только...

– Что? – подобрался сразу же Шагин, отлично зная эту отцовскую манеру сначала расслабить лёгким разговором и смешком, а потом нагнетать. Да и тон, которым тот произносил это своё любимое «вот только...», ничего хорошего, как правило, не обещал.

Игорь выпрямился в кресле, куда вся расслабленность делась в один момент.

– Да тут у бабушки неприятный инцидент с соседом произошёл... – начал издалека Борис Архипович.

– Насколько неприятный? – уточнил Игорь, прекрасно понимая, что отец не стал бы ему ничего рассказывать и беспокоить, если бы для разговора не имелось веской причины.

– Нарисовался у них на площадке новый сосед, – по-деловому, без дальнейшего рассусоливания принялся перечислять факты Борис Архипович. – Точнее, сосед-то старый, который квартиру приобрёл с самого начала, ещё при сдаче дома, да только не жил в ней все эти годы, а тут вдруг объявился. А вчера ни с того ни с сего выверился и чуть не убил Валерьяна. Мама говорит: если бы не её новая соседка, которая заступилась за кота, то убил бы наверняка.

Игорь молчал, не перебивал, не торопил, зная, что отец изложит факты и без его понуканий.

– Так мало того, что Вилли серьёзно травмировал, он и маме пригрозил, что, мол, кота прибьёт обязательно и ей достанется. Кстати, девушке той, что вступилась, тоже пригрозил. – И изложил главную мысль-идею, ради которой и позвонил сыну: – Ты бы, Игорёш, навёл там

через свои каналы-связи справки об этом соседе, кто такой, чем дышит-живёт, что за хрен такой бойкий с горы на наши головы образовался, со старушками и котами воевать. Я бы и сам, по своим каналам, но у тебя напрямую просто быстрее получится. А информацию, которая уже имеется по нему, скину: ну там имя-фамилия, возраст, что есть.

– Давай, – сказал Шагин, потёр ладонью лицо, пытаясь взбодриться и отодвинуть усталость. – Я бабуле сейчас позвоню, порасспрашиваю.

Попрощались, быстро закончив разговор.

Набирая номер бабушки, Игорь неосознанно улыбался, представляя мысленно её лицо.

Музу Павловну, бабушку свою, Игорь Борисович Шагин нежно и трепетно любил, оберегал и всячески баловал при любой возможности, впрочем, как и все близкие. Старшую даму их рода, «патриарха» семьи, к сожалению, единственную оставшуюся в живых из всех бабушек и дедушек, все баловали, потакали капризам, которых, правду сказать, у неё практически не случалось, и берегли со всем возможным тщанием.

– Здравствуй, Игорёк, – ответила на его звонок, улыбаясь, бабуля.

Он точно знал и слышал, что она улыбается, и видел мысленно эту её светлую, родную улыбку. Бабуля растекаться речами-разговорами не стала, не в её это было манере, сразу же спросила напрямую:

– Я так понимаю, тебе позвонил отец и уже нажаловался на моего соседа?

– Позвонил, нажаловался, – подтвердил Шагин и попросил: – Расскажи-ка теперь мне сама, что произошло, да подробно, как ты умеешь.

Он слушал бабушкин рассказ, по ходу которого делал пометки в рабочем органайзере, лежавшем перед ним на столе, изредка задавал короткие уточняющие вопросы, старательно сдерживая разрастающийся и крепнущий гнев внутри.

– Я понял, – кивнул Игорь, забыв, что бабуля его не видит, и спросил: – Как Вилли?

– Плохо, – без вздохов, всхлипов и слёз оповестила бабуля, как всегда, стоически принимая жизненные превратности. – Серьёзный перелом трёх рёбер, ушиб лёгкого. Было внутреннее кровоотечение, но врачи вовремя его прооперировали. Жизни его теперь ничего не угрожает, лежит, поправляется. Но ему больно и тяжело.

– Ничего, Лорд Валериан у нас настоящий боец, – поддержал бабушку оптимизмом Игорь, – да и с твоей заботой он быстро восстановится.

– Надеюсь, – приняла его моральную поддержку бабуля. И спросила: – Я так понимаю, ты намерен вмешаться в эту историю?

– Для начала наведу справки об этом субъекте, – ответил Игорь. – А потом да, объясню гражданину, в чём он был не прав. – Помолчал мгновение и внёс уточнение: – Ну, или ему объяснит кто-нибудь другой по моей просьбе.

– Последний вариант мне представляется более правильным, – заметила Муза Павловна. – У тебя настолько ответственная служба и ты слишком занятый человек, чтобы тратить своё бесценное время и нервы на столь мелкотравчатую личность. Чистейшее расточительство ценного ресурса, как нынче принято это называть.

– Спасибо, бабуль, – усмехнулся Шагин, – за высокую оценку моего ресурса.

– Это объективная констатация фактов, – улыбнулась Муза Павловна.

У него на столе зазвонил селектор.

– Ладно, бабуль, – покосившись на пульсирующий зелёным огоньком вызов на аппарате, закруглил их разговор Игорь. – Я позвоню, когда наведу справки.

– Хорошо, дорогой, – согласилась Муза Павловна и попрощалась: – Береги себя. Целую.

– Целую, – отозвался Шагин, протягивая руку к трубке селектора.

Поговорив с главным инженером, Шагин положил трубку на аппарат, заглянул в записи, которые сделал, слушая доклад Музы Павловны, и открыл поисковик на ноутбуке.

Так, к какому отделению относится дом, в котором живёт бабуля?

Ага. Понятно, а кто у них начальник отделения? Угу.

А кто у нас в Следственном комитете по тому району?

Коломийцев? Серёга? У Шагина была отличная, специально тренированная память, и он почти мгновенно вспомнил, как месяцев пять назад они случайно пересеклись с Коломийцевым на одном из совещаний в министерстве и обменялись информацией о том, кто из них где служит-работает, кем и как. Тогда-то Серёга и сказал, что всё так же, как и прежде, «бегает» в районном следственном отделе.

Так. Значит, Сергей Васильевич Коломийцев. Бывший одноклассник, с которым в студенчестве они крепко дружили, да и после какое-то время тесно общались, а потом жизнь и карьера развели, как водится. Иногда перезванивались, когда у кого-то из них или ещё двоих парней из их тесной компашки происходили какие-то важные события в жизни, а уж виделись совсем редко.

Шагин прошёл к сейфу, набрал код и отключил дополнительную защиту. Он, конечно, держал в голове невероятное количество информации, старательно классифицированной и разложенной по предметам и делам, к которым она относилась. Но вот запоминать и хранить лишние данные, которые могли потребоваться крайне редко или вовсе никогда не потребоваться, Шагин воздерживался, считая лишним. Но здесь не тот случай.

Для особо ценных и важных контактов у Игоря имелась специальная записная книжка. Вернее, даже не книжка, а солидный такой фолиант с позолоченным срезом страниц и кожаным тиснением обложки с его инициалами – подарок одной дамы, подшучивавшей над манерой Шагина постоянно что-то записывать в моменты важных размышлений и работы с документами.

Думала подколоть его этим демонстративным презентом и сильно расстроилась, когда Шагин, повертев книжку в руках, полистав страницы, разбитые по алфавиту, реально всерьёз обрадовался подарку и чуть ли не сразу засел заносить в него нужную информацию.

Кстати, с девушкой той они довольно быстро расстались: для неё оказалось неприемлемым, что свою работу он ставит выше их отношений. Сильно выше.

За эти годы книга заполнилась контактами и информацией практически полностью и распухла от дополнительных данных, выписанных на отдельных листах и прикреплённых к нужной странице степлером.

По значимости информации, которая здесь хранилась, талмуд этот был по нынешним временам драгоценным. Ну или вообще бесценным.

Смотря кто и с какой целью будет интересоваться.

Игорь вот, например, в данный момент открыл записи на букве «К», нашёл данные по Сергею Коломийцеву, пробежал быстрым взглядом и набрал нужный номер на смартфоне. Разумеется, у Шагина на смартфоне имелись телефоны Сергея, как мобильный, личный, так и прямой номер кабинета, в котором тот работал. Но в заветную книжицу был занесён специальный номер телефона, с глушилкой для прослушивания, отключённой функцией геолокации и защищённый от сканирования.

И эта информация как раз и составляла ту самую тайну, из-за которой данный номерок, с переставленными цифрами и неким кодом, и оказался в секретной книге. Откуда он у Шагина – вопрос отдельный и обсуждению не подлежит.

Прошло больше месяца после той дикой сцены, когда буйствующий сосед чуть не угробил Валерьяна. За это время соседushка никак не проявился и о себе знать не давал, по крайней мере, Аглая видела его лишь однажды. И приятной ту встречу уж точно не назовёшь.

Она практически добежала до подъезда, когда весь день висевшая над районом сизая, пузатая грозовая туча без всякого предупреждения вдруг как бабахнула громом и обрушила

из своего брюха потоки воды. Не дождик, нет, даже не душ, а прямо какое-то море наоборот, цунами с неба!

Аглая в самом прямом что ни на есть смысле мгновенно промокла с ног до головы, не успев даже дёрнуться к сумке, в которой лежал предусмотрительно прихваченный с собой зонт. Хотя никакая её дальновидность и не позабытый сегодня зонтик ничем не смогли бы помочь противостоять этой дикой стихии.

Глаша влетела в холл, отставив руки, по которым ручьями стекала вода, в стороны.

– Боже мой! – выскочила из своей комнаты консьержка Вера Львовна. – Аглая, вы совершенно промокли! – озвучила она очевидный факт. – Вам надо срочно в горячий душ!

– Это точно, – согласилась с ней девушка и, услышав звонкий блимк, сообщивший, что одна из кабин лифта прибыла на первый этаж, поспешила в сторону лифтовой площадки.

– Подождите, Аглая, – остановила её консьержка. – У меня где-то было малиновое варенье, я вам сейчас дам. Вам обязательно надо попить чаю с малиновым вареньем.

– Не надо, Вера Львовна, у меня дома есть малиновое, – отказалась Глаша и почти побежала к лифту.

Очень уж сильно, прямо нестерпимо хотелось скинуть с себя как можно быстрее мокрую одежду и согреться поскорей: не жара-жара на улице, а робкие семнадцать градусов, и вода с неба не парное молоко оказалась, а холоднящая, как в стылой сентябрьской речке.

Она глянула вперёд – не ушёл ли лифт... Нет, не ушёл, кабинка стояла с открытой дверцей, а в ней находился её сосед, истребитель котов, Виктор тот самый Юрьевич, и смотрел на торопившуюся, чтобы успеть, мокрую Аглаю.

Смотрел в упор, абсолютно безразличным, пустым взглядом, если не считать лёгкого налёта брезгливости, даже не шелохнувшись нажать кнопку стопа дверей, чтобы девушка успела зайти в кабинку.

Вот так смотрел, и всё. Дверца кабинки медленно закрылась, и лифт уехал.

Придурок. Ну а что ещё скажешь? Натуральный придурок.

Или козёл, кому как больше нравится.

Аглае повезло – она не простыла и не заболела в тот день. Доехала на свой этаж на другом лифте, постояла под горячими струями душа, согрелась и таки выпила душистого, обжигающего чаю, только не с малиной, а с моршшкой. Укутавшись по самое горло в плед. И так ей стало тёпленько и уютно, что она не заметила, как заснула прямо там, на диване.

И снился ей тревожный, нехороший сон, в котором всё смотрел на неё сосед – непонятным, но очень неприятным взглядом, от которого мурашки испужные бежали по спине и волосы дыбились на макушке. Причём он не просто смотрел, а явно хотел что-то сказать, прокричать что-то, по всей видимости, очень важное, – и старался открыть рот, но отчего-то у него не получалось, и сосед ужасно пугался этой своей немоты, пучил глаза от страха, и...

И тут она проснулась. Фу ты! Какая ерунда дурная приснилась. С чего бы? Может, она всё-таки болеет?

А утром выяснилось, что всё с Аглаей в порядке, простуда не пристала и чувствует она себя превосходно. Ну а раз так, то и за работу!

Работа у неё была интересная, увлекательная, по-настоящему любимая. В день нападения соседа на Вилли Аглая всё-таки встретила с заказчиком, ради чего она, к слову, и надела каблуки, чтобы выглядеть на все сто – состоявшейся женщиной, знающей цену своему профессионализму, обладающей прекрасным вкусом и смелостью принимать и любить себя такой, какая она есть: зашибись какой высокой.

Ну а вы пробовали жить-быть девушкой ростом метр семьдесят восемь сантиметров? При этом не будучи ни волейболисткой, ни баскетболисткой и вообще ни разу не спортсменкой и уж тем паче не манекенщицей какой. А вдобавок занимаясь делом, традиционно считающимся прерогативой мужчин.

А Аглая вот даже не пробовала, а просто так жила и, как ей казалось, вполне благополучно конкурировала с коллегами мужского пола в профессии, при этом оставаясь женщиной во всех отношениях. Потому каблуки от известной итальянской фирмы, прямая спина, гордо поднятый подбородок, продуманно-идеально подобранные украшения и дорогая сумочка. Как наставляла её бабушка Поля, «обувь, сумочка, причёска и руки всегда расскажут правду о женщине. Никогда об этом не забывай, Глаша, и держи себя в достоинстве».

Вот, держа себя в достоинстве, она и встретила с потенциальным покупателем и... заказ получила. Да какой! Чудо заказ! У Аглаи даже руки чесались немедленно приступить к его изготовлению.

С каким-то внутренним повизгиванием от восторга, засев дома на неделю, она погрузилась с головой в эскизы, придумывая и вырисовывая свои идеи, пропав для всего остального мира и забот.

Иногда Аглая навещала Музу Павловну, интересуясь самочувствием Валерьяна и его хозяйки. И всякий раз, когда она приходила, Муза Павловна усаживала девушку за стол пить чай, и пару раз угощала пирогом, и всё сетовала, что Глаша не предупредила о своём визите, тогда радушная хозяйка смогла бы подготовиться лучше и непременно испекла бы свой фирменный пирог.

Но и без фирменного пирога их спонтанные посиделки отлично удавались: чай всегда был невероятно душистый, с какой-то особенной, загадочной ноткой вкуса. Аглая всё допытывалась у Музы Павловны, что за травка-добавка такая волшебная, но хозяйка лишь улыбалась, храня секрет, и, посмеиваясь, шутила, что если расскажет, то Аглая перестанет к ней в гости захаживать, сама себе чаёк вкусный заваривая. Кстати, к особому чайку всегда находились какие-то вкусняшки, да и Глаша с пустыми руками к пожилой даме не приходила.

Чаёвничали неторопливо, с удовольствием потягивая напиток и беседуя. Разговаривали обо всём и ни о чём конкретно, не затрагивая серьёзных тем, кроме одного, первого раза, когда Аглая навестила соседку и Муза Павловна сообщила девушке интересную новость:

– Мои родные навели справки о нашем неприятном соседе. В тюрьме он не сидел и осуждён не был, но в девяностых входил в одну бандитскую группировку, из которой сумел каким-то образом выйти. Как я понимаю, без ущерба для своих финансов и жизни. И стал, как это принято называть, добропорядочным бизнесменом.

– На добропорядочного он похож, как разъярённый носорог на суслика, – заметила иронично Глаша.

– Об этом его статусе судить не нам, а финансовым органам, – напомнила очевидный факт Муза Павловна и поспешила успокоить: – Для нас же с вами, Аглая, важно другое: то, что по просьбе моего внука с этим человеком провели предупреждающую беседу.

– Кто провёл? – живо заинтересовалась Аглая.

– В подробности меня не посвятили, – ответила соседка. – Главное, что до гражданина донесли мысль-наставление, что следует воздержаться от агрессии, направленной на нас с вами, других жильцов, ну и Валерьяна, само собой.

– И он прямо согласился и сказал: «Обещаю, больше не буду. Это я так, вспылит-погорячился немного», – усмехнулась саркастически Глаша.

– Что он ответил, мне неизвестно, но, полагаю, услышал и правильно понял данные ему рекомендации, – развела руками Муза Павловна.

Более в разговорах к личности соседа Аглая и Муза Павловна не возвращались, посчитав, что тема эта исчерпана и неприятных инцидентов и скандалов им переживать более не придётся.

Ага. Тот самый случай. Как же они ошибались, наивные дети малых народностей.

Они-то сами позарывали все «топоры войны» и разбираться или вступать в какие бы то ни было дебаты с буйным «добропорядочным» и «законопослушным» бизнесменом не собирались. И, что более важно, вряд ли это намеревался делать и сам Виктор Юрьевич, но...

Но имелся ещё один участник конфликта, которого они не учли в раскладе. Так сказать, самый непосредственный и конкретный – кот Валерьян, Лорд Валериан...

Который ничего не забыл и ничего не простил своему обидчику.

Вилли удивительно быстро шёл на поправку и уже через неделю начал гулять самостоятельно, не нуждаясь в постоянной поддержке и опеке Музы Павловны. Правда, двигался он медленно и осторожно, экономными, скупыми шажками, но только первое время. А уже через пару недель у него зажили окончательно все послеоперационные проколы и надрезы и даже шерсть новая отросла настолько, что прикрыла все выбритые для операции места. Через месяц же Лорд Валериан практически полностью восстановил своё здоровье.

И вышел на тропу войны, начав продуманно, планомерно и расчётливо вершить своё правосудие. И месть его была ужасна.

Знаете, казалось бы, ерунда, какая-то игрушечная история и глупость – война кота со своим обидчиком. А вот не скажите, это реально такой жёсткий головняк! Те, кому приходилось сталкиваться с кошачьей нелюбовью и мстостью, отлично поймут, что это за засада. Оказалось, Вилли умеет конкретно достать и очень сильно попортить жизнь.

Честно говоря, Аглая мысленно сто раз поблагодарила Господа и, как говорится, перекрестилась, что не она явилась предметом столь лютой ненависти этого животного. Валерьян относился к девушке совершенно индифферентно, попросту не замечая, никак не изменив своего отношения к ней даже после того, как она его спасла. Видимо, посчитал данные действия со стороны соседки само собой разумеющимися и вообще обязательными к исполнению. Так что он лишь мирился с её присутствием в его жизни, когда Аглая приходила в гости к его хозяйке, как с чем-то неизбежным, и не более того.

А вот Виктору Юрьевичу в этом вопросе не повезло катастрофически.

Лорд Валериан на мелочи не разменивался и простым справлением малой нужды на коврик у порога его квартиры не ограничился, это было так – всего лишь обязательной программой. Каждое утро, дождавшись, когда сосед уйдёт на свою «добропорядочную» работу, Вилли отправлялся «освежить» коврик. А из арсенала, так сказать, «большой» мстительной программы у него имелись не первой свежести задушенные мыши, крысы и птички, которых он с завидным упорством практически каждый день выкладывал под соседскую дверь. Плюс мелкие, но вонючие пищевые отбросы с мусорки, плюс описанный-помеченный не только коврик, а и сама дверь и всё пространство вокруг неё, куда он смог «дострелять».

Площадка их этажа превратилась в филиал какого-то бомжатника, приобретя устойчивое амбре мусорки и въедливой кошачьей мочи. Понятно, что эти деяния не могли остаться безнаказанными, и Виктор, не обладающий терпением, кротостью нрава и уж тем паче любовью к «братьям нашим меньшим», сатанел, зверел, ревел, матерился и приходил-таки выяснять отношения к Музе Павловне. Забив на предупреждения кого-то там властного-значимого, с кем имел «остужающую» беседу и дал обещание не конфликтовать и не трогать старушку, сосед требовал приструнить кота, грозясь того изловить и привести свой изначальный приговор в исполнение.

Только вот изловить Вилли никак не удавалось: кот был настолько осторожен и хитёр, что вычислить зверюгу у мужика не получалось, как он ни исхитрялся. А старался Виктор изо всех сил! И в засаде-то сидел в сквере у дома, и имитировал, будто бы уходит на работу, а сам ждал за дверью, прислушиваясь и поглядывая в глазок, и уходил и вдруг неожиданно и резко возвращался – но всё без толку.

Неуловимый «ниндзя» Валерьян вычислял все ходы и коварные замыслы противника, безошибочно чувствуя подставу, как матёрый разведчик смешные потуги наивного школьника

играть в шпиона, и, ни разу не поведясь на его ухищрения и заходы, оставался для объекта своей ненависти неуловимым мстителем.

Поставить камеру и наладить хотя бы простенькое видеонаблюдение Виктору в голову не пришло. А может, он решил, что это не настолько серьёзная проблема, или что придавать проблеме с котом значимость как-то «не по-пацански», или просто пожадничал, решив отделаться, как говорит младший брат Аглаи Васька, на минималках.

Кто знает, чем он там руководствовался, прибегая к устаревшим методам охоты из засад, но все его попытки поймать животное и устроить тому натуральный геноцид неизменно оставались безуспешными.

Зато теперь соседу приходилось регулярно вызывать работников клининговой компании, которые мыли-отмывали и убрали последствия кошачьей мести и дезинфицировали всю площадку. Но через день-два все повторялось с удивительной регулярностью, и этаж снова начинал нестерпимо «благоухать» неубиваемой кошачьей злопамятной мстительностью.

К Музе Павловне приходили и обе консьержки, и даже соседи с верхнего и нижних этажей, просили и требовали утихомирить своего кота. Муза Павловна ужасно расстраивалась, увещевала Вилли, уговаривала, демонстративно пила перед ним сердечные капли, что всегда сильно пугало Валерьяна, любившего в этой жизни только свою хозяйку, и даже водила Лорда к кошачьему психологу, есть, оказывается, у нас и такие.

Но всё было бесполезно – кота конкретно перемкнуло на святой мести, и он продолжал изводить соседа. Понятное дело, что ничем хорошим это противостояние кота и агрессивного, резкого мужчины закончиться не могло.

Оно чуть и не закончилось плохим, когда Виктору удалось-таки подловить гадившего на его коврик Валерьяна. И, если бы Аглая не выскочила снова спасать котяру неугомонного, там бы ему, скорее всего, и пасть от руки-ноги агрессивного соседа.

Честно говоря, спасала Аглая не Валерьяна, а всё-таки Музу Павловну, поскольку Виктор этот в гневе – берсерк дурной и может сотворить что угодно гнусное, а Вилли реально уже достал не только своего обидчика, но всех жильцов их девятого этажа и соседних тоже. Ну вот спасла на свою голову, вернее, на своё девичье нежное тело, пострадавшее от когтей спасённого.

Ладно, раны ей обработали, чаю они с Музой Павловной, посетовавшей на совершенно отбившегося от рук и воспитания Вилли, попили, обсудили, как жить дальше и обезопасить, как говорит подруга Аглаи, «чокнувшегося с ума» котяру. Ничего не надумали путного, и, попрощавшись, Глаша отправилась домой.

Собираться и идти работать. Творить. Если получится после таких-то потрясений.

Да ничего так, всё у неё получилось – пока собралась-оделась-накрасилась, пока добралась до мастерской, настолько погрузилась в размышления об изделии, над которым работала, что неприятное утреннее происшествие отодвинулось куда-то на очень дальние задворки мыслей и памяти.

На следующий день на их этаже не пахло ничем плохим. Нет, оно, конечно, пахло немного хлоркой и какой-то ещё химией с убойным ароматизатором, а вот кошачьими «делами» – нет. От изумления Аглая даже не удержалась и позвонила Музе Павловне узнать, что за чудеса такие у них произошли, неужели Валерьян проникся угрозой, угомонился и посчитал свою месть достаточной.

Оказалось, что ответ на данный вопрос пока неизвестен, а отсутствие кошачьего туалета на конкретном дверном коврике объяснялось просто: Муза Павловна с Лордом Валерианом уехала за город на дачу к сыну с невесткой, чтобы страсти поутихли да Вилли успокоился и пришёл в себя после серьёзного шока и стресса.

Разумное решение. Но вот что бы вам, мудрая женщина, было не уехать раньше, дабы не доводить ситуацию до крайности и того самого шока со стрессом? Глядишь, и Аглая не ходила бы с ободранными предплечьями и боками и свои нежные девичьи нервы сберегла бы.

Хотя... ну уехала бы Муза Павловна с Валерьяном, и что? Отсиживаться в окопе и пережидать неизвестно чего и неизвестно сколько, пока, как говорил Ходжа Насреддин, «либо ишак сдохнет, либо султан умрёт. Ничего нет лучше для безысходных ситуаций, чем время».

Оно, конечно, так, и кто бы спорил с великим мудрецом, но сколько того времени понадобится, когда кто-нибудь из участников того самого... ну в том смысле, что кирдык. Валерьян, например, кот молодой, здоровый, и жить ему ещё и жить. Можно ли сказать то же самое про Виктора, неизвестно, хотя по виду мужик лосяра ещё тот, которого ни пуля, ни микроб не берёт. К тому же никто пока не отменял известное правило, гласящее, что дольше всех живут те, кого мы ненавидим.

Ну, ненависть ещё следует заслужить, и это слишком благородное чувство, чтобы растратывать его на такого индивида, как Виктор, но если бы он делся куда, то такой исход следовало бы непременно отметить как праздник.

А пока имеем то, что имеем на данный момент: так сказать, замороженный конфликт. Так что хорошо, что Муза Павловна увезла Валерьяна, а там «может, ишак, а может...» Посмотрим, одним словом.

Вроде как и успокоила себя Аглая, но что-то зудело внутри тревожное, не дающее покоя. И, подумав, прикинув так и эдак, решила она, что надо бы посетить местный околоток и поговорить с участковым на предмет неадекватных реакций Виктора Юрьевича на котов – ну, может, как-то подстраховаться, пусть и призрачно. Идея, прямо скажем, так себе, не блещет, но хоть что-то предпринять.

Она посмотрела в поисковике, где расположен опорный пункт полиции, к которому относится их дом, узнала имя-фамилию участкового, часы приёма граждан и отправилась общаться.

Старший лейтенант Иван Максимович Хлебников оказался довольно молодым и симпатичным мужчиной, наверное, ровесником Аглаи, с очень цепким, изучающим взглядом, не сочетавшимся ни разу с добродушно-простоватым выражением его лица. Жестом указал девушке на стул и, изучающе её просканировав, улыбнулся и спросил дежурно:

– Слушаю вас, гражданка... – Он приподнял вопросительно бровь.

– Аглая Сергеевна Зорина, – представилась Глаша и протянула старшему лейтенанту свой паспорт.

– Гражданка... – быстро пролистывая и изучая страницы паспортной книжки, продолжил свою мысль участковый, – Зорина. Какой у вас вопрос? – возвратив девушке документ, поинтересовался он.

– Вопрос профилактики, – начала с конкретики Глаша.

– Заболеваемости или травматизма? – вяло, без огонька, пошутил старлей.

– Скорее второе, – выбрала из предложенных вариантов Аглая и поспешила объяснить цель своего визита.

Имея в жизненном активе папеньку бывшего военного, Аглая умела излагать любую свою проблему или вопрос чётко, коротко и конкретно по делу, вот и изложила о двух нападениях на Валерьяна, о ненормальной жестокости соседа и его угрозах Музе Павловне и самой Аглае.

– Да слышал я об этих происшествиях, – вздохнул тягостно Хлебников, – консьержка ваша доводила до сведения. – И спросил с кислым лицом: – И что вы хотите, чтобы мы сделали?

– Знаете, – озвучила Аглая свои пожелания, – может, хотя бы беседу с гражданином проведёте на предмет того, чтобы он придерживал как-то свои неадекватные, агрессивные нападки. – Узрев совсем уж показательно скривившееся лицо старлея, она быстро добавила: – Ну хотя бы уточнить, что он за личность. По повадкам так чистый бандюган, браток из девяностых,

может, он в чём-то был замешан... – И, глядя на выразительную смену выражений на лице представителя власти, засомневалась: – Ну, не знаю...

– Ну какой бандит, Аглая Сергеевна, – попенял ей, как дитю неразумному, участковый. – Виктор Юрьевич Чашин законопослушный гражданин, судимости отсутствуют, приличный бизнесмен, налоги платит исправно, претензий и нареканий от органов власти не имеет.

– Ну да, ну да, – хмыкнула Аглая, помня, какие сведения про этого «законопослушного» получили родные Музы Павловны. Но старлею о бандитском прошлом Виктора она благо разумно не стала упоминать, лишь мягко попеняла: – Уж вам ли не знать, Иван Максимович, что оптимизм – это всего лишь недостаток информации, а излишний оптимизм – это безответственность, приводящая порой к трагедии.

– И что вы хотите, чтобы я сделал? – сменив наигранно кислое выражение лица на отстранённо-холодное, несколько резковато поинтересовался Хлебников. – Взял у вас заявление? Так я не возьму, нет никакого состава преступления и нарушения закона в ваших разногласиях и сварах с соседом. К тому же, как мне стало известно, животное гражданки Шагиной регулярно гадило у квартиры господина Чашина, так что ещё неизвестно, кого привлекать в данной ситуации, – развёл участковый руками показательно бессильным жестом.

– Да это ясно, что заявление вы не возьмёте, – махнула рукой Аглая, – я и не рассчитывала. Нет, я понимаю, – перешла она на доверительный тон, даже ладошку к груди приложила, – для вас это какая-то тухлая и бесконечно тупая, скучная бытовуха, которой вас достают каждый день. И я бы не пришла, будь это проходным происшествием: ну не любит человек животных, ну бесят они его, бывает. Да только всё это как-то... – покрутила она неопределённо рукой.

– Как? – внезапно заинтересованно спросил участковый.

– Вы его видели, этого Чашина?

– Нет, не видел пока, – признался Хлебников.

– А вы посмотрите, – предложила Аглая и объяснила: – На его внешность, повадки, как и что говорит. Такое ощущение, что у человека краёв-то нет вообще. В буйство он впадает даже не с полтычка, а в микросекунду – и сразу до убоя. И что самоестораживающее и пугающее: вот чувствуешь, реально понимаешь со всей очевидностью, что этот убьёт не парась. – Она задумалась и расширила своё высказывание: – Если будет чувствовать и точно знать, что человек ниже его по статусу и ответить не сможет.

И вздохнула тяжело, глядя в глаза участковому:

– Вот как-то так, Иван Максимович. А заявление я, понятное дело, писать не стану, вы ведь правы: нет состава преступления и всё такое, просто соседские дразги. Но теперь вы будете хотя бы знать, что такой деятель имеется у вас на участке. Пусть хоть так, – повторно вздохнула она безнадежно.

– Я вас понял, Аглая, – серьёзно и как-то проникновенно произнёс Хлебников и добавил: – Понял, услышал и принял информацию.

И вдруг улыбнулся, да такой прекрасной, обворожительно-открытой улыбкой, что Глаша аж сморгнула от столь разительной перемены в облике участкового, – прямо другой человек!

– А вы молодец, – похвалил вдруг старлей, – пришли, пусть и понимая, что, скорее всего, впустую. Не забили, не отмахнулись, как сделало бы большинство, не ступшевались идти в полицию, что для наших с вами ровесников вообще полный отстой и голимое лузерство.

– Да чего уж теперь, – снова отмахнулась Аглая, поднимаясь со стула. И призналась перед тем, как выйти из кабинета: – Что-то мне рядом с этим деятелем жить тревожно как-то, Иван Максимович.

На следующее утро, открыв дверь и выходя из дома, Аглая услышала, как в соседней квартире, той, что рядом с ней, отпирают замок, и задержалась на пару мгновений, хотела посмотреть, кто выйдет. И ничего удивительного не случилось – вышел тот парень, который

встрял со своими вопросами третьего дня в боевые действия гражданина Чашина и кота Валерьяна на площадке.

– О! – обрадовался парень, увидев Аглаю. – Привет, соседка. Это я удачно пораньше вышел, – разулыбался он довольнѐхонько и пояснил причину своей откровенной радости: – Хоть познакомимся, а то такая красотка рядом живѐт, а я не в курсах. А в прошлый раз ты так быстро ушла, что и не поболтали. – И тут же представился: – Я Антон.

– Аглая, – ответила девушка, непроизвольно улыбаясь парню.

Во-первых, что называется, спасибо за «красавицу», а во-вторых, он был высокий. Мужчин ниже себя ростом Аглая не рассматривала как возможных ухажѐров, хотя, как ни парадоксально, но чаще всего к ней клеились именно такие парни. Бабушка Полина говорила, что внучка пренебрегает ухажѐрами, не дотянувшимися до неё в высоту, по малолетней глупости. Ибо никогда не знаешь, с кем счастье ждѐт, а высоких, статных мужчин куда как меньше, чем парней среднего роста, и на всех не хватает. И советовала на всякий случай внимательно присматриваться к каждому кандидату в женихи, не отвергая того сразу же, руководствуясь лишь физическими параметрами.

Ну это так, как сказала бы Муза Павловна: реприза в сторону.

В общем, улыбнулась Аглая парню Антону и даже притормозила, подождав, когда тот торопливо запрѐт замок, чтобы вместе с девушкой пойти к лифту.

– Слушай, Аглая, – сразу же на «ты», без лишних расшаркиваний, обратился он к ней, явно для завязки дружеской беседы, – я хотел спросить: может, ты знаешь, почему этот кот-то к чуваку прицепился?

И, пока они спускались на первый этаж и проходили через холл и тамбур, Аглая посвятила Антона в причины войнушки «живой природы с человеком», что развернулась на их этаже. Рассказала о том, как объявившийся недавно сосед ударил Вилли, а она бросилась спасать-защищать, насколько сильно Валерьян пострадал, как долго выздоравливал и восстанавливался, ну и про святую «котейскую мстю», которая ужасна.

– Нехило, – присвистнул Антон и усмехнулся: – А ты, значит, у нас мать Тереза.

– Нет, не она, – усмехнулась Глаша. – Просто так получилось.

– Слушай, Аглая, – предложил с ходу и без затей, но с большим энтузиазмом парень, – надо бы нам получше познакомиться, коннект, так сказать, навести. Давай посидим после работы где-нибудь, потусим. Да хоть в «Точке» кофе выпьем, поболтаем.

– Ты ко мне подкатываешь, что ли? – рассмеялась чуть игриво Аглая.

– А почему нет? – пожал он плечами. – Почему бы мне не подкатить к красивой, классной девушке и не попытаться с ней хотя бы зафрендиться. Или ты с кем-то встречаешься-живѐшь? – И сразу же определил свой статус: – Я, например, свободен и без герлы уже давно.

– Сегодня нет, не получится, да и в ближайшее время тоже нет, у меня срочная работа, – посмеиваясь, отказалась от встречи Аглая, проходя в дверь подъезда, которую галантно распахнул и придержал перед ней Антон. – Ну а дальше посмотрим, почему бы действительно и не сходить куда-нибудь, выпить по кофею и поболтать.

– Отлично, договорились! – порадовался парень и, достав смартфон из кармана, стремительно двигаясь дальше, потребовал как само собой разумеющееся: – Давай номер.

– Номер тоже в следующий раз, – рассмеялась Аглая такой его нагло-нарочитой непоследственности.

Помахала ему ручкой, сбежала по лестнице и направилась к ожидавшемуся её такси, чтобы ехать домой к заказчице, с которой они договорились просмотреть предварительные варианты.

С отъездом Музы Павловны и «эвакуацией» беспокойного мстителя жизнь жильцов их девятого этажа вновь вернулась к своему прежнему мирному укладу и привычной тишине.

Правда, ненадолго, до очередного происшествия, случившегося через одиннадцать дней после ловли «Шустрого Вилли» и через десять после посещения Аглаей участкового в околотке.

Вымотанная, уставшая, с разламывающейся от долгого сидения над изделием спиной, но невероятно довольная тем, как и что у неё получается, Аглая возвращалась совсем уж поздним вечером домой. Ожидая лифт, она мысленно представляла, как сейчас наберёт ванную с любимой лавандовой пеной и будет лежать в ней долго-долго, подливая постоянно горячей воды. А потом выберется «на берег», завернётся в уютный махровый белый халат, заварит чаю с травками, уляжется-устроится на диване, включит на ноуте какой-нибудь ситком из числа любимых, чтобы ни о чём серьёзном и сложном не думать вообще. И вот будет кайфова-а-а-ать – попивая чаёк, посмеиваясь простеньким шуткам или хорошим шуткам, как повезёт. А потом...

Про «потом» подумать Аглая не успела, поскольку за разъехавшимися дверями лифта, в пустой кабине, она увидела настораживающую и очень неприятную странность, от которой как-то нехорошо-предупреждающе что-то ёкнуло в груди и в области желудка, среагировавшего на открывшуюся картину и шибанувший по рецепторам запах.

Стены кабинки в нескольких местах были заляпаны кровавыми отпечатками больших ладоней – где-то смазанными, а где-то очень чёткой пятерни, а панель управления с цифрами этажей... Такое впечатление, что вообще буквально залита потоками крови.

– Вера Львовна! – позвала несколько истерично консьержку Аглая, словно замороженная уставившись на измазанные кровью цифры на панели и лужи с отпечатками ног на полу. А не дождавшись ответа на свой призыв, позвала другую консьержку, пытаясь сообразить, кто из них сегодня дежурит: – Анна Ивановна!

Никто из женщин не отозвался. Глаша оторвалась наконец от созерцания кровавой инсталляции и пошла к консьержской комнате, но никого там не нашла – ни спящего, ни телевизор смотрящего – пусто. Как пусто было и во всём холле.

«Ладно, – решила Аглая, – поднимусь к себе и вызвоню кого-нибудь, не стоять же здесь и ждать, пока кто-нибудь объявится».

Но ехать в «кровавом» лифте не смогла, дождалась второго, грузового, в открывающиеся дверцы которого, если честно, заглядывала с некой опаской – ну а вдруг и там кровь, кровь... и у них тут зомби-апокалипсис во весь рост случился. Нет, лифт оказался чистым и следов убоя не носил.

А вот... а вот выйдя на своём этаже, Аглая сразу же тормознула, увидев на полу чуть ли не лужу свежей, не успевшей взяться даже корочкой крови и отпечатки ботинок, ведущие дальше на площадку, к квартирам. Не так чтобы прямо лужа-лужа, но прилично из кого-то натекло, а на стене у лифта осталась ещё одна кровавая пятерня, явно человека «штормило» и качало не по-детски.

– Да, блин блинский, что же это такое?! – возмутилась, ужасно и как-то безнадежно расстроившись, Глаша и...

А что «и»? Тут «и» не «и», а деваться-то некуда – двинулась по следам. А что делать? Домой бежать прятаться-спасаться? Мол, ничего не знаю, ничего не видела, не слышала – я в домике! Угу, ага... и хотела бы, да испорчена правильным воспитанием.

В принципе Глаша уже понимала, с кого тут натекло кровавых ручьёв, собственно, и гадать-то особо не требовалось: ноги-руки таких размеров имелись лишь у одного человека, проживающего на их этаже. Но пока она не увидела собственными глазами и не удостоверилась окончательно, теплилась такая робкая, трусливая надежда, что, может, это всё-таки не

он. Может, какой маргинал забрался в подъезд, воспользовавшись отсутствием консьержки на месте, или кто-то кого-то отмутил, и тот, наоборот, свалил из подъезда.

Ну, может же быть, а? Всякое ведь бывает?..

Нет, не может, ответила ей реальность, продемонстрировав фигу всем трусливым конструкциям-предположениям в виде приоткрытой двери квартиры Чашина Виктора Юрьевича, к которым и тянулись те самые алые отпечатки от ботинок.

Совершенно не хотелось Аглае заглядывать в эту квартиру, до прямо незнамо чего не хотелось. Сознание истерично верещало, требуя немедленно сваливать отсюда по-тихому. «На фиг, на фиг, Аглая, – кричал разум, – давай домой! Очевидно же, что там всё плохо-плохо, и ужасно, и капец-звездец, и соваться туда – давай это уж как-нибудь без тебя, кто-нибудь другой...»

Ну да, «не соваться» – как раз случай Аглаи Зориной. Отползти по-тихому и не отсвечивать – шаз-з-з, угу... охо-хонюшки хо-хо.

Как в том старом советском фильме, отчего-то вдруг вспомнившемся Глаше.

«Impossible, Райка, impossible», – говорит с радостной рожей злодей, считая, что он обыграл тут всех и победил.

«Посибел, посибел», – отвечает ему с довольным смешком хороший советский человек, вставший на защиту иностранной Райки вместе с другими товарищами и всей Советской страной и переигравший плохиша.

Вот и Аглая «посибел», что бы там ни верещал её внутренний голос.

– Эй! – позвала Глаша, эдак остороженько, одним пальчиком за боковину, приоткрывая дверь чуть пошире. – Виктор Юрьевич, вы там живы?

И прислушалась. Тишина. Такая странная, напряжённая тишина, реальный саспенс... Нет, не совсем тишина, какие-то еле различимые звуки всё-таки слышно: не то стон, не то сип-хрип какой...

– Ладно, – оповестила Глаша, – я вхожу.

Ну и вошла, и осторожно-медленно двинулась вперёд, ориентируясь на еле слышный звук. Далеко не ушла: на полу, сразу за дверью в большую, стильно обставленную гостиную, расположенной напротив входной, лежал хозяин квартиры в какой-то изодранной, изорванной клоками рубашке, без одного утерянного где-то рукава, с ног до головы залитый и перепачканный кровью. И светлый палас под ним пропитывался кровью, словно невидимый художник обвёл контур его тела алым маркером.

– Ёжики шипастые! – высказалась в сердцах Аглая и, шагнув вперёд, присела рядом с телом.

Или пока ещё человеком?

Она наклонилась, чтобы пощупать пульс. По обонянию и нервам, словно кувалдой, ударило застарелым запахом спиртного, тем, который въедается в кожу, в поры, волосы и все внутренности после многодневного накачивания алкоголем, а ещё запахом рвоты и... слишком хорошо памятным ей и знакомым резким, приторным, железистым запахом сырой крови.

Резкий рвотный позыв, рванув вверх, подкатил комком к горлу, Глаша отшатнулась, отстраняясь от источника вони, несколько раз судорожно-нервно вдохнула-выдохнула, борясь с тошнотой. Совладала, пересилила себя.

Справилась. И, преодолевая страх, удушающие рвотные позывы, выбивающие слезу, брезгливость и отвращение, протянула руку, отодвинула в сторону практически оторванный воротник некогда белой рубашки и попыталась нащупать жилку на шее. В общем-то можно было и не искать: в этот самый момент мужчина тихо засипел, чем снял вопрос о статусе себя как уже тела или всё ещё человека живого. Но Глаша таки нашла, что искала, почувствовав, как тихо-тихо и совсем медленно бьётся его сердце.

Вот лучше бы он не сипел, не стонал и не выдыхал вовсе! Такое амбре из него вылетело, что новый, гораздо более мощный, чем все предыдущие, рвотный порыв вынудил Аглаю подскочить, стремительно выбежать из комнаты и скрючиться пополам, чуть не избавившись от ужина, а заодно с ним и обеда с завтраком.

М-да уж, очевидно, что господин Чащин несколько дней пил долго, вдумчиво и наверняка с удовольствием, поскольку без удовольствия упиваться до такого состояния вряд ли у кого получится.

Хотя всякое бывает, может, и без него. Но то, что гражданин долго и усиленно пил, курил и тошился – это точно. Ну и где-то, видимо, наварился на резких и решительных мужчин, которым что-то в поведении Виктора Юрьевича показалось неправильным, не джентльменским. Вот отчего-то Аглае казалось, что найти людей, которым сильно не импонировала манера общения господина Чащина, не так уж и сложно.

Как говорится, «кто к нам с чем, тот от того и того самого...»

Но как-то пофиг, что там приключилось и стряслось с этим «милым человеком», сейчас перед Аглаей стоял насущный и вполне определённый, любимый русским народом вопрос: «Что делать?» Судя по пульсу, общему состоянию мужика и тому, сколько крови он потерял, вероятнее всего, что тяжёлая алкогольная абстиненция поутру ему уже не грозит.

Что делать, что делать – спасать! Можно подумать, она сможет просто тихонечко свалить, осторожненько прикрыв за собой дверь, словно её тут и не было, и спокойненько забраться в ванную с лавандовой пеной, которую так замечательно намечтала. И порадоваться, что вопрос с буйным соседом разрешился сам собой.

Ну да, между прочим, не такой уж и плохой выбор, в том смысле, что «не ишак, так султан». Вот только не для неё.

Последнее время она тут прямо спасительницей битых активно выступает – какая-то очень настораживающая, неприятная тенденция.

И, тягостно вздохнув, Аглая вышла из квартиры соседа и набрала сто двенадцать. А закончив разговор со скорой помощью, вздохнула ещё более тяжко, достала из сумочки небольшую кожаную визитницу, вытащила из неё визитку участкового и набрала номер Хлебникова, мысленно помахав рукой уплывающей от неё куда-то вдаль ванне, из которой порывы лёгкого ветерка выхватывали пушистые комки лавандовой пены, оставляя их плыть облаками в фарватере чугунной посуды...

Где-то минут через двенадцать приехала скорая помощь, очень быстро, а следом за ней, тоже не задержавшись, минут через пятнадцать прибыл не участковый, а наряд полиции. Старший наряда, вполне себе приятный молодой лейтенант, выслушав Аглаю, успокоил девушку: мол, если это просто драка какая была, то её показания и не потребуются, а вот если что похуже, то, может, её и вызовут, но вряд ли, а так... Спасибо за гражданскую позицию, что не бросили человека и бла-бла-бла из официальной части, которая была скучна и неинтересна всем: и ребятам полицейским, и самой Аглае. Они поулыбались понимающе друг другу, и Глаша собралась наконец домой: дожидаться вердикта врачей и выноса тела или не тела соседа ей было неинтересно совершенно. Но тут поднявшийся на этаж лифт привёз Антона.

– А что здесь происходит? – спросил он у Глаши, выходя на площадку.

– Да вот соседа нашего не то избили, не то зарезали, – без всякого желания что-то объяснять и обсуждать все же ввела она парня в курс происшествия.

– Что-о?! – как-то очень уж громко и слишком эмоционально отреагировал Антон и резко спросил: – Как зарезали?

– Острым предметом, я полагаю, – посмотрела на него с удивлением Аглая и поинтересовалась: – Ты чего возбудился-то? Ну пил человек по-чёрному, видимо, с кем-то что-то не поделил или в политических взглядах не сошёлся – и подрался. – Подумав, она добавила: – Сильно подрался. Но домой все же дошёл. Вот вызвала ему скорую.

– Фу-у-ух... – показательно-наигранно выдохнул парень и пошутил: – А я подумал, уж не ты ли от него тут отмахивалась.

– Не смешно, – очень серьёзным тоном осадила его Аглая.

– Да, извини, – согласился тут же Антон, – что-то я ступил. – И пожаловался: – Устал зверски, второй день в напряжениях конкретных на работе.

– Я тоже зверски, – принимая его извинения, ответно пожаловалась Глаша.

Тут на мягких носилках с помощью парней полицейских вынесли из квартиры Чашина, а семенящая рядом медсестричка несла пластиковую бутылку, из которой через трубку и иглу что-то текло в вену пострадавшего.

– Ну что, – дал предварительный отчёт полицейским доктор скорой, – три ножевых ранения, одно проникающее, множественные гематомы, порезы и рассечения тканей, очень сильно избит, сотрясение наверняка, думаю, и трещин хватает, и переломы возможны. И сильная кровопотеря. Собственно, если бы девушка нас не вызвала, он бы и сорока минут не протянул. Всё, – закончил он свой доклад, – более подробно после обследования в стационаре. Эпикриз вам перешлют по обычной процедуре.

– Где ж он так встрял-то? – задумчиво провожая взглядом процессию с носилками, двигавшуюся к лифтам, протянул Антон.

– Да уж, реально мужику прилетело, на совесть отоварили гражданина, – кивнул лейтенант, соглашаясь с замечанием. – А где и от кого, разберёмся.

– Вот ни разу не интересно, – возразила им Аглая.

И, скомканно, торопливо попрощавшись, заспешила поскорей домой. Ванна улетела в более счастливые дали, но душ у неё никто не отнимет. И уютный, примиряющий с жёсткой действительностью халат. И чай. И...

Приняв торопливо душ, Глаша дошкандыбала на последних волевых остатках сил до кровати, рухнув в которую последним полуосмысленным движением натянула на себя край одеяла – и всё, отрубилась.

Вот прав, прав же был товарищ Сталин, сказав: «Нет человека – нет проблемы»¹. Или это не он сказал? Или это им только пугали? А-а-а, неважно кто, главное – верная цитата, как говорится, прямо в десяточку.

Вот увезли в больничку Виктора Юрьевича – и сразу как-то тихо-мирно на этаже стало, и ушёл напряг и постоянное подспудное ожидание возможных конфликтов и неприятной встречи с соседом. И какое-то прямо спокойствие наступило – идёшь домой и радуешься.

Даже Муза Павловна с Валерьяном вернулись из дачных далей. Муза Павловна сразу же по приезде позвонила Аглае и пригласила зайти после работы в гости, почаёвничать и отметить их с Вилли возвращение, в ознаменование которого она испечёт наконец-то свой фирменный и давно обещанный Аглае пирог.

А Глаша что, Глаша со всем своим удовольствием. Услышав в трубке голос Музы Павловны, она поймала себя на том, что непроизвольно улыбается, по-настоящему радуясь возвращению соседки. Вот прониклась она к этой удивительной женщине привязанностью, уважением и тёплым чувством. И, прихватив небольшой фруктовый торт в кондитерской по пути к дому, не заходя в свою квартиру, сразу же позвонила в соседскую дверь.

– Глашенька, – открыв ей, разулыбалась Муза Павловна, искренне радуясь девушке, – как замечательно, что вы пришли! – И, подаваясь порыву, обняла девушку, когда та зашла в прихожую, а отступив, призналась: – Мы с Вилли по вам скучали.

¹ Точная цитата из романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата» (1987): «...Сталин говорит: “Смерть решает все проблемы. Нет человека – и нет проблемы”». В романе речь шла о расстреле военных специалистов в Царицыне в 1918 году. (Здесь и далее прим. авт.)

– Здравствуйте, Муза Павловна, – улыбнулась в ответ Глаша, честно признавшись: – Я тоже скучала. – Протянула коробку с тортом: – Вот это вам.

– Благодарю, – рассмотрев торт, поблагодарила соседка и посмотрела на девушку: – Вы запомнили, что отдаю предпочтение именно этому фруктовому торту, когда позволяю себе сладкое. Это очень приятно. – И спохватилась: – Да что мы тут с вами расшаркиваемся как посторонние люди. Проходите скорей за стол, вы ведь с работы, устали и голодны, а я вас политесом мучаю.

И от этой её суетливой заботы, от этого «расшаркиваемся политесом», как частенько говорила-шутила её любимая бабуленька Полина, Аглая вдруг почувствовала, как в груди разливается тёплое чувство, чуть щемящее неизбыточной тоской по ушедшей бабуле, которая всегда с ней: в её душе и мыслях. Такое уютное, потрясающее ощущение защищённости, что ли, а может, и любви.

– Вы расстроились? – чутко среагировала на перемену настроения девушки Муза Павловна.

– Нет, – улыбнулась сквозь накатившие и удержанные слёзы Аглая и выдохнула с теплотой: – Просто рада вас видеть.

Поскольку день уж давно уступил вечеру, они недолго засиделись за столом, Глашка откровенно устала, да и Муза Павловна, насуетившись по хозяйству, растратила всякую энергичность. Но они с удовольствием пили как всегда потрясающе душистый и вкусный чай, что заварила хозяйка, и уплетали волшебный пирог – вернее, уплетала в основном Аглая, хозяйка же ограничилась небольшим кусочком. И разговаривали, разговаривали вроде как не о чём-то значимом и личном, а на поверку получалось, что именно о таком.

– Вы почему так быстро вернулись, Муза Павловна? – спросила Аглая. – Лето заканчивается, сейчас за городом, на даче красота же какая. Я точно знаю, мы с родителями много лет живём в своём доме, в Подмосковье.

– Да-да, – покачала головой, соглашаясь с ней, Муза Павловна. – Мне Алексей рассказывал, что ваш папа сам построил дом, и фотографии и видео показывал. – И поделилась своими впечатлениями от демонстраций Лёшкиного хоумвидео: – Прекрасный дом, красивый, удобный и уютный.

– Да, – улыбнулась тепло Аглая, – дом у нас просто замечательный и участок чудесный. – И, отчего-то разоткровенничавшись вдруг, принялась рассказывать: – У нас же папа военный инженер-строитель, подполковник инженерных войск. Мама с ним по всей стране помоталась по тем объектам, на которые его направляли служить. Сначала они вдвоём были, потом с Лёшкой и со мной...

Аглая не уловила того момента и даже не сообразила, отчего её неожиданно затянуло в воспоминания и подробности той далёкой жизни, казавшейся теперь, отсюда, из настоящего, какой-то нереальной, ненастоящей, словно фильм про прошлое.

– Знаете, я ведь маленькая совсем была и не помню, насколько тогда тяжело и невероятно трудно приходилось родителям и как они жили-служили да выживали. Ну и, понятно, взрослые и даже Лёша старались меня оградить от чернухи и дать всё самое лучшее. Только, как ни ограждай ребёнка, окружающую действительность никуда же не денешь и людей в ней живущих тоже. В четыре года я уже чётко понимала, что нельзя канючить, капризничать и выпрашивать ничего: ни шоколадку, ни игрушки, никакое «баловство», как говаривала бабуля. И научилась не просить.

...Это детское «просветление» произошло с маленькой Глашенькой в те самые четыре года, после одного запомнившегося на всю её жизнь случая. Они ехали с мамой в трамвае, и рядом с ними сидела женщина в возрасте с маленькой девочкой, приблизительно ровесницей Глашеньки. Женщина очищала большой оранжевый апельсин от кожуры, а девочка трясла нетерпеливо руками, сучила ножками и поторапливала:

– Ну давай быстрее, бабуля, я хочу прямо сейчас!

– Всё уже, всё. – Отделив одну дольку от оранжевого шара, бабушка протянула внучке лакомство.

Апельсин был такой пахучий, такой большой и невероятно прекрасный, девочка ела его, и от каждого укуса сок брызгал в разные стороны и стекал у неё по ладошке.

И его совершенно головокружительный аромат разносился на весь трамвай.

– Мама, я тоже хочу апельсин, – посмотрела на маму просительно Глашуня.

А мама молча поднялась с сиденья, взяла дочь за ручку, и они вышли, как только трамвай остановился. Это была не их остановка, но они зачем-то вышли. Мама поставила Глашу перед собой, присела перед ней на корточки, взяла за обе ладошки, посмотрела дочери прямо в глаза и объяснила:

– Если ты очень-очень хочешь апельсин, прямо сильно-сильно, до невозможности терпеть, то я тебе его куплю. Но тогда, Глашенька, у нас получится такая история: либо папа, Лёша, я и ты, мы все едим кашу, либо, если я покупаю тебе апельсин, то на кашу денег у нас уже не хватит и все мы останемся голодными. Мы будем радоваться, что тебе хорошо, что ты получаешь удовольствие от такой прекрасной вкуснотищи. Но чувствовать мы себя будем точно так же, как только что ты чувствовала себя, когда девочка рядом с тобой ела фрукт, а ты не могла. – И спросила, едва справляясь со слезами: – Понимаешь, малышка?

Глаша смотрела на маму, представляя мысленно всё, что она ей сейчас сказала. Себя, уплетающую оранжевое чудо, отрывая от него одну за другой дольки... Как надкусывает, а оранжевые брызги сока разлетаются во все стороны... Она даже ощущала вкус апельсина во рту и чётко видела: сидящие напротив неё на диване, оставшиеся без каши родные смотрят, как она наслаждается своим фруктом.

– А если апельсин на всех поделить? – уточнила Глаша у мамы.

– Тогда каждому достанется лишь очень маленький кусочек, которым не наешься, и все всё равно останутся голодными.

– Ну ладно, – приняла решение маленькая Глашка, тяжело, смиренно вздохнув, – пусть будет каша для всех, хотя кашу, мамочка, я не очень люблю. Но, когда я вырасту и заработаю много денег, я всем нам куплю апельсины.

– Договорились, – покивала мама и, притянув доченьку к себе, обняла крепко-крепко, за спиной у Аглаи торопливо смахнув рукой выступившие слёзы, чтобы доченька их не заметила. Она и не увидела, зато почувствовала, что мама старается не плакать.

Через несколько лет их семья как-то достаточно быстро, всего за полгода, наверное, начала жить по-другому, и уже отпала необходимость выбирать между сытной кашей для всей семьи или цитрусом для одного ребенка. А у Глаши появились апельсины и мандарины, и даже бананы и шоколадки, и игрушки, куклы и розовый велосипедик, который она обожала и гоняла на нём лихо, при любой возможности, и всякое другое прочее, чего раньше у ребёнка не было и в перспективе даже не ожидалось.

– Папа и два его близких друга уволились из армии и пошли в строительный бизнес, – рассказывала Глаша.

Сначала работали на хозяина большой строительной компании, а потом и свою фирму открыли, придумав интересный, как сейчас говорят, стартап и изобретя какие-то ноу-хау для малых объектов, в том смысле, что не многоквартирные дома возводили, а частные коттеджи, виллы и более бюджетные дома. Чуть позже расширили сферу деятельности, но всё в рамках строительства: открыли небольшое производство, воплощая свои разработки и новации всякие, и магазины. И плотно, устойчиво зарекомендовав себя на рынке, крепко встали в своём бизнес-сегменте.

Понятно, что не всё радужно-прекрасно проистекало и, как в любом бизнесе, много всякой фигни бюрократической и иже с ней происходило. Бывали и срывы, и разные непростые и напряжённые ситуации, но мужчины справлялись.

Как-то на общесемейных посиделках, на которые собрались, как водится, все трое компаньонов со своими семьями, в разгар застолья отец Аглаи Сергей Валентинович, он же генеральный директор их фирмы и признанный лидер компании, неожиданно задал вопрос:

– А вот скажите, мужики, мы-то какого лешего с вами тормозим? Почему себе-то дома не строим?

Мысль была настолько ошарашивающая в своей простоте и верности и настолько очевидная, что за столом воцарилось потрясённое молчание.

– Охренеть, – обалдев до изумления, первым подал голос Семён Валиев. – Вот это мы с вами, мужики, знатно протупили...

– Да уж, тарих подпол, умеешь ты в арестантской камере околотка отсутствие четвёртой стены заметить, – подхватил Егор Степанов.

Ну и все разом загомонили, зашумели, принялись азартно и громко обсуждать, где, когда и как, уже готовые чуть ли не прямо завтра заселяться в свои новенькие дома...

– Папенька мой, Сергей Валентинович, – улыбаясь, продолжила свой рассказ Глаша, – у нас товарищ продуманный, степенный и рачительный, у него всё по плану, по порядку и по полочкам – добротнo, качественно, «не абы как», как любит он приговаривать. Поэтому посёлки и участки под дома они с дядь Егором и дядь Семёном выбирали тщательно, придирчиво и дотошно. Ну и так же строились – продуманно до каждой мелочи, на века, как опять-таки объяснял папенька, «не временки колотим, а родовые гнёзда возводим». Проект нашего дома папа делал и рассчитывал вместе с архитектором их фирмы, ну и понятно, что каждую мелочь во время стройки сам лично контролировал и проверял. И участок разбил, воплотив всё, что хотела и о чём мечтала мама: у неё там и грядки высокие, и суперсовременные теплицы с интернет-слежением и регулировкой влажности и температуры, и беседки, газоны, цветники, и летняя кухня со столовой. Всё есть. Мы свой дом все очень любим. Сейчас там, правда, только мама с нашим младшим братцем Васенькой остались, а мы все разъехались.

– Как же, а папа ваш где? – посмотрела недоумённо на девушку Муза Павловна, собираясь расстроиться.

– Так папенька там, где сейчас, как он говорит, «собрались серьёзные, решительные мужчины», – махнула неопределённо рукой Глаша. – Вернулся в армию, строит, возводит и восстанавливает разрушенное на новых территориях и не только на них.

– Понятно, – чуть вздохнула Муза Павловна и поинтересовалась: – А что ж вы, Глашенька, в Москву перебрались, раз вам так хорошо дома-то было?

– Ездить на работу оттуда долго, да и пробки, – объяснила Аглая. – Ну и иные причины имелись. – И вернулась к загородной теме, уходя от дальнейшего обсуждения обстоятельств, побудивших её переехать: – Я домой каждые выходные уезжаю и каждый выпавший свободный день обязательно: скучаю и по маме с Васей, и по дому. Мне всегда дома хорошо и замечательно, прекрасно дышится-живётся, совсем по-другому, чем в любом городе.

– Да-а-а, – протянула, соглашаясь, Муза Павловна, – за городом сейчас прекрасно, особенно когда дом уютный и может вместить всех родных и близких, и участок большой, и лес-озеро рядом. Красота. Я за эти четыре недели повидала всех внуков и правнуков, что в городе удаётся куда как реже, все же заняты: круговерть дел, работа, учёба, школы-садики...

Она вздохнула светло, от приятных, близких воспоминаний.

– Только, понимаете, Глашенька, я не люблю гостевать. Слишком привыкла быть хозяйкой, привыкла к своему определённому устройству и укладу жизни, налаженным и устроенным по моему вкусу привычкам и удобству, когда всё под рукой, всё так, как мне по сердцу и нраву. Да и Вилли устал от природы, и не очень-то ему там нравилось: много людей, много

шума и суеты, опять-таки коты поселковые постоянно вызывали на бой за территорию и дам кошачьих. Мы с ним с таким удовольствием вернулись домой, вы не представляете. Наверное, чтобы понять и почувствовать, как хорошо нам дома, стоит иногда куда-то уезжать. Впрочем, известно же, что старики боятся и очень не любят никаких перемен и весьма болезненно переносят нарушения их привычного быта и уклада жизни. Лет пятнадцать назад я была ещё невероятно легка на подъём: куда-то поехать, прихватив младших внуков, посетить новые места, заняться-увлечься каким-нибудь новым делом, подбить родных на эксперименты с активным отдыхом... А сейчас, как улитка: лучше в домике.

– Моя бабуля тоже такой была, – улыбнулась со светлой грустью Аглая. – Лёгкая на подъём, на идеи всякие, задумки. И нас всех могла увлечь, заразить своим энтузиазмом. Водила внуков по всем музеям, по каким-то выставкам, перформансам, интересным мероприятиям – и летала с нами от Финляндии до Сахалина.

– М-да, – покачала головой Муза Павловна, – как всё быстро проходит. Вы пока этого не понимаете, Глашенька, не ощущаете, но время – это очень странная субстанция, и в разные периоды жизни оно движется с разной скоростью. После пятидесяти пяти лет оно начинает стремительно ускоряться, и месяцы, годы и события пролетают как мгновения. У Жванецкого есть такое высказывание: «Старость, она как электричка – во-о-о-н она ещё где-то там, и вот раз – и она уже здесь».

– А бабушка Поля частенько повторяла чью-то цитату: «Стареть не хочет никто, это неприятно, а частенько некрасиво и болезненно, но это единственный способ жить долго».

– Вот именно, – согласилась с девушкой, её бабушкой и автором цитаты Муза Павловна.

Обсудили, что называется, вдогонку дачной теме, в каком районе и посёлке расположены дача родных Музы Павловны и дом семьи Аглаи, что сажают на участках, какой урожай снимают и как замечательно и умиротворённо чувствуешь себя, когда в самый закат солнца летний денёк переходит в бархатный вечер и начинают выводить свои трели птицы... И так далее, так далее...

– Вы знаете, что враг Валерьяна попал в больницу? – спросила Глаша, вспомнив наконец о приземлённых делах житейских, далёких от птичьих трелей и загородных красот.

– Да, мне консьержка наша Анна Ивановна позвонила и подробно рассказала о происшествии, – кивнула женщина и усмехнулась: – И вы, Аглая, снова отличились спасением пострадавшего.

– Просто оказалась в нужное время в нужном месте и вызвала скорую помощь, – пожалала плечами Глаша и внесла уточнение: – Нужное Виктору Юрьевичу место и время, но никак не мне. Я бы прекрасно прожила и без лицезрения и памяти о той кровавой инсталляции, в которой обнаружила его.

– Вы очень смелая девушка, – заметила Муза Павловна.

– Или просто глупая, – вздохнула преувеличенно наигранно и усмехнулась Глаша.

– Ну, вот это вряд ли, – возразила ей собеседница.

За неспешными беседами-разговорами, как всегда бывает, когда общаешься с приятным и интересным тебе человеком, время промелькнуло незаметно, как в том самом возрасте «после», о котором вздыхала Муза Павловна. Сердечно поблагодарив и попрощавшись с соседкой, Аглая ушла домой. И, забравшись в кровать, проваливаясь в сон, всё улыбалась от тёплого ощущения тихой радости, которое осталось у неё в душе от встречи и неспешной беседы с Музой Павловной.

Мирные денёчки жителей девятого этажа, пока буйный соседусшка находился в больнице, а кот Валерьян снова вольготно и спокойно выгуливался (где хотел и когда хотел) по придомовой территории и подъезду, ощущая себя «королём горы», пролетели как-то уж слишком быстро и незаметно. И наступил тот день, когда Глаша пересеклась с господином Чащиным,

шкандыбавшим на костылях через вестибюль подъезда к лифту в сопровождении незнакомого парня, который нёс сумку и портфель.

– Здравствуйте, – поздоровалась с соседом нейтральным тоном Глаша.

Виктор Юрьевич девушку не то что ответом, даже взглядом не удостоил, лишь зыркнул недобро и проследовал дальше, стуча костылями по полу. Чего уж говорить о простом человеческом «спасибо» за участие в спасении его жизни.

Да как бы и пофиг не сдалось Аглае ни его спасибо, ни его здрасте, она даже ехать с ним в одном лифте не намеревалась, дождалась другого, поражаясь странным совпадениям. Вот ведь только раз за весь месяц вспомнила бизнесмена Витю в разговоре с Музой Павловной – и всё, как и не было такого господина. Да и то, чего бы ей о нём размышлять на самом деле. Но именно сегодня отчего-то вдруг с утра вспомнила о соседе и подумала мимолётно: вот бы он в той больничке подольше задержался, чтобы мир-спокойствие их этажа не разрушалось.

И на тебе – получите! – прибыл. Вот права была бабушка Поля, произнося старую пословицу: «Помяни дурака – припрётся издалека».

Ну вот он и припёрся, чпокая резиновыми наконечниками костылей по прекрасному полу холла.

А следом за ворчанием и недовольством на предмет возвращения раненого соседа Глаша сразу же подумала о Лорде Валериане. И о Музе Павловне. Ну а о ком ещё?

Поэтому и поспешила предупредить соседку о прибытии «Чёрного Гарри», вернее, «Битого Вити».

– Ох, господи, – всплеснула руками Муза Павловна. – Надо снова запирать дверь на замок, чтобы Вилли не выбегал. И помнить об этом, не забывать.

– Ну, сейчас, как мне кажется, господин Чашин к боевым действиям не совсем чтобы пригоден, успеете выработать навык, – усмехнулась Глаша. – Но вообще-то придётся за Валерьяном следить внимательно.

– Да уж, угораздило нас попасть в такую ситуацию.

И обе дамы тягостно-безнадёжно вздохнули, предвидя ожидающие их впереди неприятности.

Но странное дело – Валерьян месть свою зверскую прекратил. В первый же день возвращения из загородного вояжа он тщательно обследовал весь этаж, уделив особое внимание вынюхиванию территории около квартиры врага, что-то там понял-выяснил и сделал какие-то выводы. Видимо, посчитал себя абсолютным и безоговорочным победителем в противостоянии с соседом и более не выказывал никакого интереса к данному объекту, полностью его игнорируя.

Вот такая заморочка животного сознания – поди разбери, что у него там в голове, какие такие мысли-рефлексы, даже и пытаться не стоит.

Но когда жители этажа поняли, что противостояние животного и человека закончилось, пусть и по непонятным совершенно никому причинам, то вздохнули с большим облегчением.

И житие-бытие вернулось в свои спокойные, устоявшиеся берега.

По крайней мере, на какое-то время.

Однажды, традиционно поздно возвращаясь домой после работы, еле волоча от усталости ноги, вяло поздоровавшись с консьержкой, Аглая поплелась через холл и... и как-то вдруг в один миг взбодрилась, заприметив незнакомого мужчину, ожидавшего лифт.

Как там её папенька изволит выражаться в подобных случаях: «Встряхнул кое-чем внезапно ожившим, как старый конь при звуке горна».

Вот-вот, именно так Глашка и «встряхнула кое-чем внезапно где-то там ожившим», узрев данного представителя мужского пола.

Мама да-ра-га-я... Это ж мужчина её девичьей мечты! Ум-м-м-м...

Именно такой, каким Аглая представляла-рисовала в воображении идеал своего возможного избранника в части, касающейся его физических и внешних данных.

Самое главное – ты-дын-н-н! в этом месте у нас фанфары – мужчина был высоким! Ну вот слабость у Аглаи Зориной к высоким мужчинам, ну что ж поделаешь. А этот по-настоящему высокий, выше Глаши и даже выше Глаши на каблуках – где-то под метр девяносто. И совершенно великолепно сложен: мощный разворот широких плеч, узкие бёдра, длинные, сильные ноги идеальной формы. И внешность... хорошая такая внешность. Русые волосы не длинной и не короткой стрижки, которая ему очень шла, выгодно подчёркивая форму и тип лица. Глаза тёмно-серые, внимательные, цепкий, острый взгляд, а черты лица такие... породистые черты, хотя уж кем его точно не назовёшь, так это красавчиком – ни грамма слащавой киношной красоты.

До категории «элегантен, как рояль» мужчина не дотягивал лишь отсутствием фрака на нём, но и без фрака, в строгом деловом костюме и белоснежной рубашке со стильным галстуком из разряда «скромная, неброская роскошь», с портфелем известной фирмы в руке он выглядел просто обалденно и очень rispetабельно.

Как говорит подруга Аглаи Лилька Токарева, великая ценительница и специалист по противоположному полу, «вот это муз-з-зчина! Дайте два!».

Судя по энергии, излучаемой им, по свободной, уверенной манере держаться, по взгляду и мимике, этот человек отлично знал цену себе, своей убойной мужской харизм-з-з-зме, чтоб её... Знал, какое впечатление он производит на женщин и насколько сильно их к нему притягивает, приблизительно как к килограммовому магниту маленькую гайку с расстояния сантиметров десяти.

Как любая нормальная женщина, Аглая успела рассмотреть незнакомца, почувствовать все его правильные флюиды, отметить-заметить некоторые мелкие детали и оценить в целом и в некоторых частностях за несколько коротких мгновений, пока они, как воспитанные люди, соблюдая принятый политес, коротко поздоровавшись, ожидали прибытия лифта.

– Вам какой? – обозначив уважительную улыбку, спросил мужчина, галантно пропустив девушку вперёд и заходя следом за ней в кабинку.

– Девятый, – откликнулась Аглая.

Он нажал нужную кнопку и, когда кабина двинулась вверх, улыбнувшись уже более открыто и приветственно, констатировал:

– Вы Аглая, извините, не знаю отчества. – И расширил своё утверждение: – Девушка, которая дважды спасла Валерьяна от гибели.

– Ну, спасла – это слишком громко сказано, – отказалась от столь громкой славы Глаша, – всего лишь заступилась за животное. – И поинтересовалась: – А вы?

– Игорь Борисович, – представился он, – внук Музы Павловны.

– Приятно, – открыто, по-дружески улыбнулась ему Аглая.

– Взаимно, – ответил ей тем же Шагин.

– Мы с вашей бабушкой дружим, – сообщила Глаша, – она у вас замечательная.

– Да, – кивнул, продолжая улыбаться, Игорь Борисович, – Муза Павловна человек незаурядный. Драгоценность нашего семейства.

– У нас тоже была такая драгоценность, бабушка Полина, – вздохнула с грустью Аглая.

– Знаете, – признался Шагин, – отлично понимаю, что и нас эта потеря не минет, но даже думать об этом не хочу.

– И правильно, – поддержала его Глаша, – и не надо, и не думайте.

Тихонько бликнув-тринькнув, лифт сообщил «содержимому» своей кабинки о прибытии на нужный этаж.

– Передавайте привет Музе Павловне, – махнула рукой Аглая, останавливаясь у своей двери и провожая взглядом прошедшего к нужной квартире мужчину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.